

<http://ldn-knigi.narod.ru>

А. СТОЛЫПИН

П. А. СТОЛЫПИН

1862-1911

ПАРИЖ
1927

Эта книга является рядом выдержек из речей П. А. Столыпина, произнесенных преимущественно в наших законодательных палатах.

Автор лишь снабдил их комментариями.

Деятельность Столыпина столь велика и многогранна, что имеющийся в распоряжении материал не позволяет создать ее полную картину и дать ей достойную оценку.

Эта задача — удел истории.

Поэтому автор ограничил свой труд воспроизведением лишь главных стремлений, достижений и надежд того государственного деятеля, который жил для России и умер за нее.

А. С.

Париж 10 февраля 1927 г.

П. А. Столыпин

Герои не должны умирать для истории и сознания своего народа. Память вечная должна храниться о них и с похвалами передаваться грядущим поколениям.

Петр Аркадиевич Столыпин родился в 1862 году в городе Дрездене. По окончании в 1885 году С. Петербургского Университета по естественному факультету, он поступил на службу в Министерство Земледелия, но через два года принял назначение на должность Предводителя Дворянства в Ковенском уезде, где у него было имение.

В эту пору складывались его государственные взгляды, крепили его убеждения. В 1897 году П. А. назначается Ковенским Губернским Предводителем Дворянства. Находясь все время в непосредственной близости от крестьян, П. А. в совершенстве постиг их нужды и в его государственных идеалах почувствовалось биение подлинной жизни.

Живя и работая в крае, в котором сказывалось влияние трех народностей — польской, литовской и еврейской, П. А. узнал их сильные и слабые стороны. Широко просвещенный и воспитанный в культурных русских традициях, он привык с уважением относиться к правам инородцев, но огонь национального самосознания разгорался в нем ярким пламенем. В 1902 году Столыпин был назначен Гродненским Губернатором, но уже в 1903 году переводится на ту же должность в Саратовскую губернию, где шло сильное революционное брожение. Во всеподданнейших отчетах Саратовского Губернатора, П. А. впервые выступает со своим проектом земельной реформы. Он умело и спокойно восстанавливает порядок в Саратовской губернии и в 1905 году, после роспуска первой Государственной Думы, Император Николай II, по Своему Личному почину, назначает его Министром Внутренних Дел, а 8 июля того же года, сверх того, и Председателем Совета Министров. Служба Столыпина в этих должностях протекала в тяжелых условиях. Волна террористических актов заливала Россию. 12 августа 1906 г., на даче, занимаемой Министром на Аптекарском Острове, близ С.-Петербурга, была брошена бомба. П. А. остался невредим, но были ранены его дочь и сын. Производившие раскопки, нижние чины ближайших полков обнаружили под развалинами дома 27 трупов и 32 раненых с разными тяжкими повреждениями.

Столыпин мужественно продолжал стоять на своем посту.

Уже за первые пять с половиною месяцев своего пребывания у власти, П. А. достиг в деле успокоения страны заметных результатов. Одновременно готовился ряд важных законопроектов, подлежащих рассмотрению Законодательных Палат. Самые спешные меры были проведены на основании ст. 87 Основных Законов. К таковым

Высочайший рескрипт от 1-го Января 1907 года относит: предоставление нуждающимся крестьянам свободных казенных земель в Европейской России, а также удельных и Кабинета Его Величества; разрешение продажи крестьянам участков из состава имений заповедных, майоратных, ленных и подушных; понижение платежей по ссудам Крестьянского банка; облегчение выхода отдельных крестьян из общины; открытие для лиц сельского состояния нового вида кредита под залог

надельных земель в Крестьянском банке; уравнение крестьян в правах с прочими сословиями. В открывшейся 6-го марта 1907 года Гос. Думе второго созыва, П. А. произнес правительственную декларацию, в которой, перечисляя законопроекты, изложил задуманный им план обновления государства. Ответные речи членов Думы заставили его выступить вторично.

Эта 2-ая речь была отповедью на все раздававшиеся огульно нарекания и хулы против власти. П. А. говорил: "Правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна совместная работа, найти тот язык, который был бы всем одинаково понятен. Я отдаю себе отчет, что таким языком не может быть язык ненависти и злобы. Я им пользоваться не буду" и далее: "Надо помнить, что в то время, когда в нескольких верстах от столицы и царской резиденции волновался Кронштадт, когда измена ворвалась в Свеаборг, когда пылал Прибалтийский край, когда революционная волна разлилась в Польше и на Кавказе, когда остановилась вся деятельность в южном промышленном районе, когда распространились крестьянские беспорядки, когда начал царить ужас и террор, Правительство должно было или отойти и дать дорогу революции, забыть, что власть есть хранительница государственности и целостности русского народа, или действовать и отстоять то, что ей было вверено.

Но, принимая второе решение, Правительство роковым образом навлекало на себя и обвинения. Ударяя по революции, Правительство, несомненно, не могло не задеть частных интересов. В то время Правительство задалось одной целью — сохранить те заветы, те устои, начала которых были положены в основу реформ Императора Николая II. Борясь исключительными средствами, в исключительное время, Правительство вело и привело страну во Вторую Думу. Я должен заявить и желал бы, чтобы мое заявление было слышно далеко за стенами этого собрания, что тут, волею Монарха, нет ни судей, ни обвиняемых, что эти скамьи (показывает на места министров) не скамьи подсудимых — это места Правительства".

П. А. кончает словами:

"Людям, господа, свойственно и ошибаться, и увлекаться, и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребления будут разоблачены, пусть они будут судимы и осуждаемы. Но иначе должно Правительство относиться к нападкам, ведущим к созданию настроения, в атмосфере которого должно готовиться открытое выступление; эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у Правительства, у власти, паралич воли и мысли. Все они сводятся к двум словам, обращенным к власти: "руки вверх". На эти слова, господа, Правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты, может ответить только двумя словами: "Не запугаете".

Сила произнесенной речи всколыхнула как парламентские круги, так и общество; и точно в ответ на это оппозиция прибегла к другому способу борьбы: злоупотреблению правом запросов. Оппозиция потребовала также прекращения действия военно-полевых судов. По этому вопросу П. А. давал Думе разъяснения 13-го марта 1907 г.

Он подчеркнул в своих словах, что "кровавый бред не пошел еще на убыль", и что с ним бороться необходимо мерами чрезвычайными. Он заявил, что суровый закон будет применяться лишь в крайних случаях. 20-го марта он возражал на необоснованные обвинения члена Думы Кутлера относительно государственной росписи доходов и расходов.

Наконец, 1-го июня 1907 года, он прочел в Думе заявление о возбуждении уголовного преследования против 55 депутатов социал-демократической фракции, в связи с обнаружением заговора, имевшего целью покушение на Государя, на вел. кн. Николая Николаевича и на Председателя Совета Министров.

Дума отказалась отстранить вышеупомянутых 55 депутатов от заседаний и не согласилась на отдачу наиболее виновных под стражу и манифестом. 30-го июня 1907 года Государственная Дума второго созыва была распущена. В этом же манифесте была охарактеризована деятельность второй Думы: "выработанные Правительством мероприятия Госуд. Дума или не подвергла вовсе рассмотрению, или замедляла обсуждение, или отвергла, не остановившись даже перед отклонением законов, каравших открытое восхваление преступлений и сугубо наказывавших сеятелей смуты в войсках; медлительное рассмотрение Государственной Думой росписи государственной вызвало затруднение в своевременном удовлетворении многих насущных потребностей народных".

Далее упоминалось превращение Думою права запросов в способ борьбы с Правительством, и, наконец, о заговоре в среде самой Думы. Способ всеобщего привлечения к выборам в Государственную Думу не дал ожидаемых результатов и потому, тем же манифестом, России был дарован новый избирательный закон. Согласно этому закону, Государственная Дума должна была быть русскою по духу и права других народностей законом ограничивались. В самых же некультурных окраинах государства выборы в Государственную Думу были временно приостановлены.

Этот закон привел Россию в третью Государственную Думу.

1-го ноября 1907 года была открыта Государственная Дума третьего созыва, а 16-го ноября Столыпин изложил в ней правительственную декларацию. Сравнительно с двумя предшествовавшими думами, картина резко изменилась. Образовалось из центра и правой большинство, на которое Правительство могло опереться. Отвечая на нападки оппозиции в этой Думе, П. А. говорил:

"Правительство наряду с подавлением революции задалось задачей поднять население до возможности на деле в действительности воспользоваться дарованными ему благами. Пока крестьянин беден, пока он не обладает личной земельной собственностью, пока он находится насильно в тисках общины, он остается рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага гражданской свободы" и далее, объяснил, в чем заключаются намеченные реформы: "в развитии земщины, в развитии самоуправления, в сдаче ему части государственных обязанностей, государственного тягла и в создании на низах крепких людей земли, которые были бы связаны с государственной властью. Вот наш идеал местного самоуправления, так же как наш идеал наверху — это развитие дарованного Государем стране законодательного нового представительного строя, который должен придать новую силу и новый блеск царской Верховной власти". Столыпин кончает призывом:

"Дайте же ваш порыв, дайте вашу волю в сторону государственного строительства, не брезгайте черной работой вместе с Правительством. Я буду просить позволения не отвечать на другие слышанные тут попреки. Мне представляется, что когда путник

направляет свой путь по звездам, он не должен отвлекаться встречными, попутными огнями. Поэтому я старался изложить только сущность действий Правительства и его намерений. Я думаю, что, превращая Думу в древний цирк, в зрелище для толпы, которая жаждет видеть борцов, ищущих, в свою очередь, соперников, для того, чтобы доказать их ничтожество и бессилие — я думаю, что я совершил бы ошибку.

Правительство должно избегать лишних слов, но есть слова, выражающие чувства, от которых в течении столетий усиленно бились сердца русских людей. Эти чувства, эти слова должны быть запечатлены в мыслях и отражаться в делах правителей. Слова эти: неуклонная приверженность к русским историческим началам. Это противовес беспочвенному социализму, это желание, это страстное желание и обновить, и просветить, и возвеличить Родину, в противовес тем людям, которые хотят ее распада. Это, наконец, преданность не на жизнь, а на смерть, Царю, олицетворяющему Россию. Вот, господа, все, что я хотел сказать. Сказал, что думал и как умел".

Вдохновенное слово Столыпина загло слушателей и приобщило их к высоким переживаниям человека, жертвующего собой, и закипела творческая работа.

ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО КРЕСТЬЯН

Мысль о разверстании общины и укреплении земли в качестве личной собственности, а также об устранении чересполосицы и создании хуторских хозяйств, созрела у Столыпина задолго до назначения его Министром Внутренних Дел. Еще будучи Ковенским Уездным Предводителем Дворянства и Председателем местного Съезда Мирowych Посредников, Столыпин энергично пропагандирует среди литовцев - крестьян идею об отрубях и проводит эту меру, достигая целого ряда, необходимых для начатия дела, крестьянских приговоров. В качестве Саратовского Губернатора, Столыпин пишет во Всеподданнейшем отчете за 1904 г.:

"Жажда земли, аграрные беспорядки сами по себе указывают на те меры, которые могут вывести крестьянское население из настоящего ненормального положения. Единственным противовесом общинному началу является единоличная собственность. Она же служит залогом порядка, так как мелкий собственник представляет из себя ту ячейку, на которой покоится устойчивый порядок в государстве. В настоящее время более сильный крестьянин превращается обыкновенно в кулака, эксплуататора своих однообщественников, — по образному выражению,— мироеда. Вот единственный почти выход крестьянину из бедноты и темноты, видная, по сельским воззрениям, мужицкая карьера.

Если бы дать возможность трудолюбивому землеробу получить сначала временно, в виде искуса, а затем закрепить за ним отдельный земельный участок, вырезанный из государственных земель или из земельного фонда Крестьянского Банка, причем обеспечена была бы наличность воды и другие насущные условия культурного землепользования, то на ряду с общиною, где она жизненна, появился бы самостоятельный, зажиточный поселянин, устойчивый представитель земли. Такой тип уже родился в западных губерниях, и он особенно желателен теперь, когда Вашему Императорскому Величеству стало благоугодно выслушать голос земли через Государственную Думу".

Сделавшись Министром Внутренних Дел, Столыпин вносит во

вторую Государственную Думу законопроект об укреплении за крестьянами, владеющими надельной землей, принадлежащей им части земли в личную собственность. Изданный во время междудумья указом от 9-го ноября 1906 года, при ближайшем участии Столыпина, закон вызвал оживленные прения в Думе и 10-го мая 1907 года Петр Аркадьевич произнес речь в его защиту. Начав упоминанием о том, с каким нетерпением крестьяне-землевладельцы, да и все остальные слои государства ждут разрешения этого столь наболевшего вопроса, Петр Аркадьевич остановился в дальнейшем на проекте левых партий, т. е. на проекте национализации земель (за плату или бесплатно) и отдачи ее в пользование крестьянам. Он указал на то, что такая коренная ломка произвела бы социальную революцию и полное крушение всех правовых понятий. К тому же, путем такой жертвы, путем подчинения интересов всех классов интересам одного, правда, многочисленного класса крестьян, путем полного разорения культурного класса помещиков, не удалось бы разрешить даже практическую сторону аграрного вопроса. О том свидетельствуют следующие цифры.

Если бы даже поголовно всю землю отдали крестьянам, то на каждый двор пришлось бы:

в Вологодской губ. 147 десятин, в Олонецкой 185, в четырнадцати центральных губерниях им не досталось бы даже и по 15, а в Полтавской губ. пришлось бы лишь по 9, в Подольской всего по 8 десятин. Прирост же населения в одной Европейской России равен 1.625.000 душ в год.

Для удовлетворения землей одного этого прироста населения (считая по 10 дес. на и двор) потребно было бы ежегодно 3 % миллиона десятин. Таких запасов земель, конечно, не имеется. Далее, Петр Аркадьевич перешел к нравственным результатам: "стимул к труду, та пружина, которая заставляет людей трудиться, была бы сломлена. Каждый гражданин, а между ними всегда были и будут тунеядцы, будет знать, что он всегда имеет право заявить о желании получить землю, приложить свой труд к земле, затем, когда это занятие ему надоест бросить ее и пойти опять бродить по белу свету. Все будет сравнено, — приравнять всех можно только к низшему уровню.

Нельзя человека ленивого приравнять к трудолюбивому, нельзя человека тупоумного приравнять к трудоспособному. Вследствие этого культурный уровень страны понизится. Добрый хозяин, хозяин-изобретатель самую силу вещей будет лишен возможности приложить свои знания к земле. Надо думать, что при таких условиях совершился бы новый переворот, и человек даровитый, сильный, способный, — силою восстановил бы свое право на собственность, на результат своих трудов... Ведь богатство народов создает и могущество страны. Путем же переделения всей земли, государство, в своем целом, не приобретет ни одного лишнего колоса хлеба. Уничтожены будут, конечно, культурные хозяйства. Временно будут увеличены крестьянские наделы, но при росте населения они скоро обратятся в пыль и эта распыленная земля будет высылать в города массы обнищавшего пролетариата".

Петр Аркадьевич заканчивает словами: "Я думаю, что Россия обновится, улучшить свой уклад, пойдет вперед, но путем разложения не пойдет, потому что где разложение, там смерть".

Переходя к разбору проекта партии народной свободы, П. А. говорил: "В этом проекте не все ясно. С одной стороны проект осуждает национализацию земли, а с другой признает неизменное право собственности лишь за крестьянами, к помещичьим же землям применяет

начало количественного отчуждения.

Но раз признан принцип отчуждаемости для помещичьих земель, раз уже встали на этот путь, то вряд ли крестьяне поверят в то, что их земли со временем не будут тронуты. Ведь с ростом населения принцип количественной экспроприации неминуемо коснется и последних и приведет в конце концов к той же национализации земли. Поэтому проект левой партии более искренен и правдив".

Столыпин перешел к изложению мысли правительства: "Необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, т. е. соли земли русской, освободиться от тех тисков, от тех теперешних условий жизни, в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрепить за собой плоды трудов своих и предоставить их в неотъемлемую собственность.

Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая, пусть она будет наследственная". Для этого Правительство находит нужным сделать учет малоземельных крестьян и выдавать им на льготных условиях из земельного запаса необходимые количества земли. Чтобы составить необходимый земельный фонд, государство закупало бы предлагаемые в продажу частные земли; к ним прибавились бы земли удельные и государственные. В виду того, что крестьянство сильно оскудело, Государство взяло бы на себя разницу в проценте, выплачиваемом по выпускаемым им листам, и тем процентом, который был бы по силам крестьянству.

"Таким образом, заявил Петр Аркадьевич, вышло бы, что все государство, все классы населения помогают крестьянам приобрести ту землю, в которой они нуждаются. В этом участвовали бы все плательщики государственных повинностей... Но тягость была бы разложена равномерно и не давила бы на плечи одного немногочисленного класса в 130.000 человек, с уничтожением которого уничтожены были бы, что бы там ни говорили, и очаги культуры. Этим именно путем Правительство начало идти, понизив, временно проведенным по 87 статье законом, проценты платежа крестьянскому банку...

При рассмотрении вопроса в его полноте, может быть, и в более ясном свете представился бы и пресловутый вопрос об обязательном отчуждении. Пора этот вопрос вдвинуть в его настоящие рамки, пора, господа, не видеть в этом волшебного средства, какой-то панацеи против всех бед; средство это представляется смелым потому, что в разоренной России оно создаст еще класс разоренных в конце землевладельцев".

Петр Аркадьевич закончил словами: "Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этот вопрос нельзя, его надо разрушать. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия".

Государственная Дума одобрила огромным большинством голосов указ 9-го ноября 1906 года, придав ему силу закона.

5-го декабря 1908 года Петр Аркадьевич выступил в Государственной Думе и с последними на этот счет разъяснениями. Он

защищал проведенное в закон начало личной собственности. Часть же Думы стояла за принцип собственности семейной. Этот принцип искажил бы весь смысл закона.

П. А. заявил: "Нельзя с одной стороны исповедывать, что люди созрели для того, чтобы свободно, без опеки, располагать своими духовными силами, чтобы прилагать свободно свой труд к земле так, как они считают это лучшим, а с другой стороны признавать, что эти самые люди недостаточно надежны для того, чтобы без гнета сочленов своей семьи распоряжаться своим имуществом. Нельзя создавать общий закон ради исключительно уродливого явления, нельзя убивать этим кредитоспособность крестьянина, нельзя лишать его веры в свои силы, надежды на лучшее будущее, нельзя ставить преграды обогащению для того, чтобы слабые разделили с ним его нищету... Но главное, что необходимо, это, — когда мы пишем закон для всей страны, — иметь в виду разумных и сильных, а не пьяных и слабых... Правительство, проведя закон 9-го ноября 1906 года и ставило ставку на разумных и сильных. Таковых в короткое время оказалось около полумиллиона домохозяев, закрепивших за собой боле 3200000 десятин земли. Не парализуйте, господа, дальнейшего развития этих людей и помните, законодательствуя, что таких людей, таких сильных людей, в России большинство.

Для уродливых же, исключительных случаев должна применяться и исключительная мера: институт опеки за расточительство. Следующие меры должны быть приняты для того, чтобы земля не ускользала из рук крестьянского класса: надельная земля не может быть отчуждаема лицу иного сословия, надельная земля не может быть заложена иначе, как в Крестьянском Банке, она не может быть продана за долги, она не может быть завещана иначе, как по обычаю, кроме того, ограничивается возможность скупки наделов, установлением правила о воспрещении продажи в одни руки, в одном уезде, боле шести указанных наделов".

Петр Аркадьевич заявил далее: "И насколько нужен для переустройства нашего царства, переустройства его на крепких монархических устоях, — крепкий личный собственник, насколько он является преградой для развития революционного движения, — видно из трудов последнего съезда социалистов революционеров, бывшего в Лондоне в сентябре настоящего года.

Вот то, между прочим, что он постановил: Правительство, подавив попытку открытого восстания и захвата земель в деревне, поставило себе целью распылить крестьянство усиленным насаждением личной частной собственности или хуторским хозяйством. Всякий успех Правительства в этом направлении наносит ущерб делу революции". Петр Аркадьевич заканчивает свою речь следующими словами: "Применением в ней личного труда, личной собственности, приложением к ней всех, всех решительно народных сил, необходимо поднять нашу общинную, нашу слабую, нашу обнищавшую истощенную землю, так как земля это залог наших сил в будущем, земля—это Россия".

В заседании Государственного Совета 15 марта 1910 года, приведя те же доводы в пользу личной собственности, что и в Государственной Думе, Столыпин доказал жизненность указа 9-го ноября следующими данными: За три года заявило желание укрепить свои участки в личную собственность боле 1.700.000 домохозяев, т. е. около 17 % всех общинников - домохозяев; окончательно укрепили свои участки 1.175.000 домохозяев, т. е. боле 11 % с 8.780.000 десятин земли и это кроме целых

сельских общин, в которых к подворному владению перешли еще 193.477 домохозяев, владеющих 1.885.814 десятинами. После долгих дебатов, Государственный Совет принимает поочередно все статьи правительственного законопроекта.

Еще в июне 1909 года, Столыпин, вместе с главно-управляющим землеустройством и земледелием, объезжал землеустроительные работы Екатеринославской губ. Там, где еще два года тому назад была открытая степь, теперь сплошь виднелись хутора. Затем были осмотрены работы в Орловской губ. 14-го июня 1910 г. Петр Аркадьевич издал два циркуляра, имевших целью помощь крестьянскому землеустройству и устранение чересполосицы. Землеустроительная комиссия все время оказывала крестьянам помощь в связи с их расселением на наделной земле.

Всего за 4 года (1906—1910) комиссия назначила ссуды 157.561 домохозяевам в общей сумме 12.410.032 рубля и выдала на руки в виде в безвозвратных пособий (по и января 1911 г.) 117.997 домохозяевам 9.230.725 руб. Кроме того 35.423 дворам оказано содействие в постройке новых жилищ путем льготного и бесплатного отпуска лесных материалов. Происходила, одним словом, вся та работа, которая была уже отмечена в Высочайшем Рескрипте на имя Столыпина от 1-го января 1908 г. в следующих выражениях:

"В лице вашем я нашел выдающегося исполнителя моих предначертаний, о чем красноречиво свидетельствуют первостепенной важности законодательные труды по землеустройству и другим вопросам государственного управления, подготовленные Советом Министров, под руководством вашим, а равно возрастающее доверие населения к Правительству, особенно наглядно проявившееся при выборах в третью Государственную Думу, и многие отрядные признаки несомненного успокоения страны".

ПОЕЗДКА В СИБИРЬ И ПОВОЛЖЬЕ

а) СИБИРЬ

П. А. Столыпин вместе с главно-управляющим землеустройством и земледелием предпринял поездку в Западную Сибирь и Поволжье, длившуюся от 19-го августа до 19-го сентября 1911 года. Целью поездки было ознакомление на месте с отрубными хозяйствами и выяснение возможности широкого переселения из Европейской России. За 300 лет владея нашего Сибирью в ней набралось всего 4 % миллиона русского населения, а за последние 15 лет сразу прибыло около 3 миллионов, из них более 1½ миллиона в одно трехлетие 1907 — 1909 г.г. Но чувствовалось, что и в лихорадочном передвижении за Урал и в массовом оседании переселенцев на новых местах далеко не все ладно, не все устроено, не все ясно. Упорядочение этого дела и потребовало поездку Столыпина. Вот к каким он пришел выводам:

1. Необходимо отводить наделы старожилам и переселенцам Сибири не в пользование, как теперь, а в собственность. Только право собственности на землю даст прочность крестьянским хозяйствам и послужит основанием для последующего правильного разверстания земель между отдельными владельцами. Вместе с тем, собственность и связанная с нею свобода распоряжения землей значительно облегчат последующий переход земель, отводившихся до сих пор с чрезвычайной щедростью, так что владельцы не могли обрабатывать и половины своих

обширных наделов, — в руки новых пришельцев. Это поднимет и общий уровень использования производительных сил Сибири ...

2. Необходимо достигнуть постепенного объединения правительственной политики до Урала и за Урал. С этой целью необходимо последовательно проводить, по возможности, при самом отводе наделов переселенцам и старожилам Сибири, начало покровительства мелкой единоличной собственности на землю. Вместе с этим необходимо теперь же развить и упорядочить начавшееся в Сибири, по почину самого населения, дело внутринадельного размежевания на землях, уже отведенных в надел старожилам и переселенцам в прежнее время.

3. В лучших сибирских районах своевременно перейти к продаже земель переселенцам. Нельзя по всей Азиатской России отводить и лучшие и худшие земли одинаково даром. Нужно сообразовать условия получения участков с трудностью их заселения и с различными естественными и экономическими свойствами отдельных сибирских районов. Правильная расценка и продажа лучших земель, при единовременном усилении правительственной помощи в суровых местностях, — наиболее верное средство достигнуть планомерного и прочного заселения Сибири. Продажу участков казенной земли переселенцам производить на льготных началах, применительно к правилам Крестьянского Банка, соответственно дополнив пересматриваемый теперь в законодательных учреждениях указ 27-го августа 1906 года, о предоставлении для устройства крестьян казенной земли в Европейской России.

4. Желательно восстановить свободу ходачества, так как приемы искусственного ограничения ходачества и предварительного распределения участков между ходоками, как показал опыт, не достигают цели. Вместе с тем желательно ограничить льготы по железнодорожному проезду переселенцев и ходоков, сообразовав размеры этих льгот с различием условий выхода и водворения переселенцев в отдельных местностях.

5. Денежные ссуды переселенцам на домообзаводство следует сообразовать не с большей или меньшей бедностью отдельных переселенцев, которая не поддается учету, а с большей или меньшей трудностью заселения данного района. Допускаемые теперь размеры ссуд (не свыше 165 р. на семью) в тайге недостаточны, тогда как на Алтае чрезмерны. Действующий ссудный закон необходимо изменить, основав его на мысли о порайонных нормах денежных ссуд и приблизив условия выдачи ссуд к действительным условиям водворения (расчистка тайги и пр.).

6. Необходимо создать и развить агрономическую помощь переселенцам. В новых непривычных условиях переселенцы часто беспомощны: нужно помочь им выяснить наиболее подходящие и выгодные для каждой местности отрасли земледельческого и вообще сельскохозяйственного промысла и развивать в Сибири не одно только земледелие, но и скотоводство, овцеводство, культуру промышленных растений. Для правильной постановки агрономической помощи настоятельно требуется скорейшее открытие на месте, в Сибири, сельскохозяйственных учебных заведений, которые могли бы готовить нужных деятелей. Кроме того, действительного успеха агрономических мероприятий можно ожидать лишь в связи с развитием среди переселенцев и старожилов Сибири начал правильного

разверстания и единоличного владения землей, как необходимой основы прочных улучшений в хозяйстве.

7. Рядом с мелкими крестьянскими владениями надлежит обеспечить образование за Уралом также частной земельной собственности. Мысль эта уже была выражена в законе 8-го июня 1901 г., не получившем, однако, применения. Между тем потребность в образовании частновладельческих хозяйств в Сибири становится все более настоятельной. Соседство более крупных и более культурных хозяйств, чем обычные переселенческие, может помочь общему поднятию сельского хозяйства за Уралом, внести в него разнообразие и улучшенные приемы и дать крестьянскому населению подсобные заработки. Кроме того, развитие частной собственности имеет и общее культурно-политическое значение: оно может дать приток сюда свежих сил, образованных и предприимчивых деятелей, без которых едва ли мыслимо правильно поставить и земское и городское хозяйство.

8. Следует продолжать непрерывное заселение киргизской степи русскими переселенцами, как путем предварительного землеустройства киргиз, желающих перейти к оседлости, так и путем изъятий земельных излишков у киргиз, не получивших оседлого устройства и облегчением аренды киргизских земель переселенцами; от широкого прилива в степь русских переселенцев выигрывают и переселенцы, и киргизы, и самая степь, и русская государственность.

9. Нужно озаботиться обеспечением сбыта сибирскому хлебу и другим продуктам сибирского хозяйства. С этой целью желательно:

- 1) провести южно-сибирскую магистраль Уральск-Семипалатинск, с выходом на Ачинск или на Новониколаевск, 2) связать водным каналом (Чусовая-Решетка) и шлюзованием рек бассейна Камы и Иртыша и
- 3) постепенно отменить челябинский перелом тарифа.

Сбыту сибирского хлеба на Дальний Восток могло бы тоже помочь, при предстоящем пересмотре торговых договоров с Китаем, обложение ввозною пошлиной маньчжурского хлеба. Еще большее значение мера эта имела бы для развития хлебопашества в самом Приамурье и ближайших к нему местностях Восточной Сибири; между тем, создать выгодность там земледельческого промысла — единственный способ привлечь туда широкий поток переселенцев и прочно закрепить за нами эту окраину.

10. Необходимо вообще расширить и углубить постановку переселенческого дела, привести переселенческие организации в соответствие с государственным значением прочного заселения Сибири и, в связи с этим, усилить и кредиты переселенческой сметы.

б) ПОВОЛЖЬЕ

При объезде землеустроительных работ на Поволжье, Столыпин вынес следующие впечатления и мысли: "Делу землеустройства положено прочное основание; оно развивается и понемногу становится для крестьян своим близким делом. В народной психологии можно подметить уже и теперь признаки оздоравливающего влияния начал землеустройства; там, где переустройство крестьянского земельного быта по тем или иным причинам значительно подвинулось, влияние этой перемены отражается заметным усилением трудовой энергии, направленной к подъему собственного хозяйства и поворотом к мирозерцанию, основанному на культе собственности и труда.

В области землеустройства, в тесном смысле этого слова, очередными являются теперь задачи главным образом организационные. Необходимо готовить новые кадры землемеров, агрономов и гидротехников и необходимо объединить работу правительственных и местных сил, прилагаемых к делу землеустройства.

В связи с ростом землеустройства необходимо:

1. видоизменить школьную организацию, увеличить число школ и устраивать при школах детские общежития;

2. воспользоваться хуторским расселением для широкого развития огнестойкого строительства;

3. постепенно сосредоточить в руках казны лесные площади из состава имений, предлагаемых частными владельцами для покупки Крестьянскому Банку;

4. обратить аренду казенной земли в орудие единоличного землеустройства и сельскохозяйственной культуры;

5. сберечь бывшие помещичьи усадьбы и продавать их общественным учреждениям и частным лицам, по возможности, оставляя в этом последнем случае при усадьбах цензовые участки

6. упорядочить и ограничить рост мирских сборов.

Завершением производящейся ныне работы по преобразованию крестьянского земельного быта должна явиться организация агрономической помощи населению и доступного сельскохозяйственного кредита. В этих двух мероприятиях — очередные и общие задачи Правительства и местных сил, работающих над укреплением и оживлением экономической жизни сельской России".

Дело улучшения пустующих и негодных земель, ведшееся очень вяло со времени его создания (с 1894 г.), получило тоже в 1910 году могучий толчок. Ассигнования на это дело были увеличены на 80 %. Одновременно был внесен в законодательные учреждения проект оросительных работ в Голодной степи, в Туркестане и в Мургабской степи в Закавказье. На это дело было отпущено 9.000.000 рублей. Помянутые работы имели целью оросить около 185.000 дес. земли для заселения их крестьянами колонизаторами из Европейской России.

СООРУЖЕНИЕ АМУРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ.

В Государственной Думе третьего созыва Петр Аркадьевич защищал 31-го марта 1908 г. дело сооружения Амурской железной дороги, проводившейся уже в то время на основании ст. 87 Основных Законов. Возражения части Государственной Думы сводились к тому, что для ослабевшего государства ассигнование на это дело 238 миллионов рублей является непосильным, что средства должны тратиться на другие, более срочные и менее случайные предприятия, что железнодорожная линия вдоль границы может только стать легкой добычей для неприятеля и что нельзя, наконец, серьезно говорить об экономическом значении края, средняя температура которого ниже 0.

"Правительство, сказал Столыпин, по мнению наших противников, шло по инерции, по рутинному пути, по наклонной плоскости, оно совершенно бессмысленно следовало в прежнем направлении нашей дальневосточной политики. Я же настаиваю на том, что Правительство взвесило именно наше положение после дальневосточной войны, что Правительство имело в виду мудрое

изречение Екатерины II —« gouverner c'est prévoir».

Правительство, прежде чем принять решение, имело в виду всю совокупность всех тех соображений, которые здесь были высказаны. Я, прежде всего, остановлюсь на стратегических соображениях. При громадности нашей территории неоспоримо важно иметь возможность перебрасывать армию из одного угла страны в другой. Никакие крепости, господа, не заменят вам путей сообщения. Крепости являются точкой опоры для армии, — следовательно, самое наличие крепостей требует или наличия армии в крае, или возможности ее туда перевезти...

В стратегическом отношении, армии важно иметь оплот в местном населении. Но я повторяю, что я не говорю о войне, я понимаю, что для нас высшим благом явился бы вечный мир с Японией и Китаем; но и с мирной точки зрения важно, господа, может быть еще важнее — иметь тот людской оплот, о котором я только что говорил. Докладчик комиссии государственной обороны сказал тут, что природа не терпит пустоты. Я должен повторить эту фразу. Отдаленная наша суровая окраина вместе с тем богата, богата золотом, богата лесом, богата пушниной, богата громадными пространствами земли, годной для культуры. И при таких обстоятельствах, господа, при наличии государства, густо населенного, соседнего нам, эта окраина не останется пустынной. В нее прососется чужестранец, если раньше не придет туда русский, и это просачивание, господа, уже началось. Если мы будем продолжать спать летаргическим сном, то край этот будет пропитан чужими соками, и когда мы проснемся, может быть, он окажется русским только по названию...

Для того, чтобы обнять этот вопрос не только с технической, со стратегической, но и с более широкой, общегосударственной, политической стороны, надо признать, как важно для этой окраины заселение ее. Но возможно ли заселение без путей сообщения?"

Петр Аркадьевич перешел к климатическим условиям, не являющимся помехой для его заселения. С шествием человека, с уничтожением толстого покрова торфа и мха, мерзлота уходит глубоко в землю. Температура же края зимою ниже, чем в Европейской России, но летом там тепле. Уссурийский край, находившийся в аналогичных условиях, уже стал заселяться, составляя одну из главных приманок переселенцев. Разумеется, железная дорога должна проходить по местностям наиболее богатым землею, годной для заселения. По плану Правительства она захватывает три области:

1. Амурская область. Там, в низменности между Зеей и Буреей уже 800.000 десятин земли заселено русскими молоканами, достигшими высокой культуры и являющимися примером того, что может быть достигнуто в будущем. От Зеи на запад имеется еще до 13.000.000 дес. земли, годной под переселение, а от Благовещенска до Хабаровска открываются еще миллионы десятин годной земли.

2. Забайкальская область. В северной части ее, в Баргуземской тайге имеется 2 миллиона годной для полевой работы земли.

3. Витимское побережье, имеющее 13 миллионов дес. земли.

Если будет принят проект Правительства и начальным пунктом дороги выберут Нерчинск, то это побережье, благодаря близости железной дороги, вскоре сможет стать богатым краем.

Переходя к финансовой стороне дела, Петр Аркадьевич заявил, что стоимость дороги будет обходиться в 20—22 миллиона в год. Это, конечно, жертва громадная, но необходимая.

Окончил он свою речь следующими словами: "Наш орел, наследие Византии, — орел двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсекая нашему русскому орлу одну голову, обращенную на Восток, вы не превратите его в одноглавого орла, вы заставите его только истечь кровью... Ваше одно решение даст возможность найти и средства на посильных условиях. Это одно уже является новым источником финансовой силы. Если, господа, в самые тягостные минуты нашей новейшей истории русские финансы осилили войну, осилили смуту, то на скрепление нашего расшатанного государственного тела только железным обручем — будут средства.

Для этого, господа, нужно только ваше единодушное решение, о котором я говорил в начале своей речи. Нужно ваше единодушное слово, — произнесите его".

ВОССОЗДАНИЕ ФЛОТА

Со времени японской войны одной из главных задач Правительства стало, естественно, воссоздание нашей боеспособности, в частности, нашей морской обороны. В заседании комиссии по государственной обороне 3-го марта 1908 г., Столыпин доказывал необходимость воссоздания флота и оспаривал мнение большинства комиссии, лозунгом которой было "надо ждать". По мнению Правительства, ожидание отняло бы энергию у предприятия, убило бы дух, доселе живой во флоте. По мнению Правительства необходима хоть одна цельная эскадра судов нового типа для обучения личного состава флота. Поэтому Правительство и предложило свою временную, сокращенную судостроительную программу, давшую нам одну эскадру, правда, смешанного типа.

"В конце концов, заявил Петр Аркадьевич, я, конечно, чувствую себя в положении защитника лица, уже вперед приговоренного. Если я все таки взял на себя эту тяжелую задачу, то потому, что я не являюсь защитником, кем-либо назначенным, а защитником по велению совести, и потому, что судьи, которые здесь присутствуют, не враги флота и не с ненавистью, а со скорбью смотрят на наш приспущенный Андреевский флаг.

Долг моей совести сказать вам, что после того, как вы откажете в деньгах на флот, Россия выйдет в международном положении преуменьшенной. Удар, нанесенный вами, не будет ударом дубинки Петра Великого, ударом его дубинки подгоняли. Никаких пышных фраз произносить я не желаю, заканчивает Петр Аркадьевич, но в данную минуту мне припоминаются слова, сказанные создателем русского флота, все тем же Петром Великим, при котором впервые застучал топор русского строителя на русских верфях. Эти слова нам нужно надолго запомнить. Вот они: "Промедление времени смерти безвозвратной подобно".

Вторично защищал Петр Аркадьевич дело воссоздания флота на заседании Государственной Думы 24-го мая 1908 года. "Для всех, кажется, стало ясно теперь, сказал он, что только тот народ имеет право и власть удержать в своих руках море, который может его отстоять. Поэтому все те народы, которые стремились к морю, которые достигли его, неудержимо становились на путь кораблестроения". Далее, Петр Аркадьевич заявил, что морское ведомство реорганизуется, у что нельзя, вследствие его прежних ошибок, остановить на полном ходу дело

воссоздания флота.

"Людей, господа, мало во всех учреждениях, сказал он, — мало их и в морском ведомстве, и может быть еще меньше потому, что лучшие, быть может, силы флота лежат теперь на дне океана. Но как никак, а те лица, те новые люди, которые поставлены во главе ответственных частей флота, должны чувствовать, должны сознавать, какая колоссальная задача возложена на них, какая их тяготит ответственность. И не думаете ли вы, что ваш отказ в кредитах переложит эту ответственность с них на вас? В деле воссоздания нашего морского могущества, нашей морской мощи, закончил Петр Аркадьевич, может быть только один лозунг, один пароль, и этот пароль — вперед!"

13-го июня 1908 года Столыпин отстаивал в Государственном Совете отвергнутое Государственной Думою ассигнование кредитов на флот. Он просил утвердить сокращенную судостроительную программу, заключающуюся в постройке 4 броненосцев, сводившую этим в одно разумное целое, не имевшие в отдельности никакого боевого значения суда и служившую зародышем для других более обширных судостроительных программ.

"Государственная Дума, заявил Петр Аркадьевич, хотя и под напором патриотических чувств, не встала на эту точку, зрения. Поэтому, господа, я апеллирую к Государственному Совету, состоящему из лиц, умудренных государственным опытом и лиц, избранных самыми устойчивыми группами населения... И мы просим вас, раз вы находите, что флот России нужен, раз вы находите, что Россия еще не настолько обнищала, чтобы отказаться от своих морей, то, господа члены Государственного Совета, не избавляйте нас от той ответственности, от которой нас не избавил закон, от которой нас не освобождает Государь...".

Дело воссоздания флота было сдвинуто с мертвой точки и начало развиваться. 4-го августа 1911 года Совет Министров, под председательством Петра Аркадьевича, обсудил вопрос о постройке черноморского флота. На это дело законодательными учреждениями было отпущено 102 миллиона рублей. Решено было построить 3 броненосца типа дредноут, 9 эскадренных миноносцев и 6 подводных лодок. Заказы были распределены между обществом русских заводов и обществом частных николаевских судостроительных заводов. Стоимость броненосцев оказалась несколько дешевле, чем стоимость уже строившихся в то время в Петербурге броненосцев для Балтийского флота.

Скорость броненосцев была установлена около 22 ½ узлов, двигатели турбинные, вооружение — из 12 дюймовых орудий, мелкой артиллерии и минных аппаратов, район действия — около 1.200 верст. Срок окончания броненосцев был установлен четырехлетний (т. е. август 1915 года), миноносцев — двухлетний. Все суда решено было строить в Николаеве. 5-го августа были даны наряды на постройку судов. Одновременно Правительство решило внести в недалеком будущем в законодательный учреждения общий проект воссоздания флота.

1. Балтийский флот был определен: из 16 линейных кораблей (дредноутов), 8 броненосных крейсеров, 16 крейсеров, 36 эскадренных миноносцев, 12 подводных лодок, заградителей, транспортов, плавучих барж, учебных, посыльных и тралящих судов в потребном количестве, а также резервной эскадры того же состава, комплектуемой из судов, выслуживших срок в действующем флоте. Количественный состав

Балтийского флота должен был быть доведен до указанной нормы в 1930 году.

2. Черноморскому флоту было установлено состоять из одной действующей эскадры, превосходящей активные силы государств, расположенных на побережье Черного моря в 1½ раза. Затем — из резервной эскадры и вспомогательных судов того же назначения, как и в Балтийском море. Срок, к которому должен был быть готов в полном составе Черноморский флот, был поставлен в зависимость от судостроительной интенсивности других держав.

3. Тихоокеанскую (сибирскую) флотилию предполагалось создать в составе 2 крейсеров, 18 миноносцев, 12 подводных лодок, 3 минных заградителей, транспортов и учебных судов по потребности. В этом составе было намечено поддерживать сибирскую флотилию до тех пор, пока средства государственного казначейства не позволят увеличить ее линейными кораблями. Предусмотрен был также вопрос о замене устаревших судов новыми.

На том же заседании 4-го августа 1911 года Совет Министров постановил выдавать премии поощрения отечественного судостроения. Вызвана была эта мера тем, что ввиду ничтожного развития русского торгового флота, лишь 10% груза перевозилось из России под национальным флагом, остальные же 90 % доставлялись на иностранных судах. Такая постановка дела являлась для государства чрезвычайно невыгодной. Совет постановил выдавать премии не только за суда торгового флота (в течении 15 лет), но и за новые машины. Наше речное судоходство было развито как нигде в мире. Вышеназванными мерами предполагалось развить в такой же мере наш морской торговый флот.

ЗАПРОСЫ

В связи с преданием суду бывшего директора департамента полиции Лопухина, Столыпин отвечал в Государственной Думе 11-го февраля 1909 года на запросы, касавшиеся бывшего сотрудника полиции Азефа и его деятельности.

Последний обвинялся левыми партиями Думы в провокации; к этому добавлялось, что Правительство в качестве такового сознательно пользовалось его услугами. "Между тем, сказал Петр Аркадьевич, дело Азефа — дело весьма несложное; и для Правительства и для Государственной Думы единственно достойный, единственно выгодный выход из него — это пусть самого откровенного изложения и оценки фактов. Поэтому, господа, не ждите от меня горячей защитительной или обвинительной речи, это только затемнило бы дело, придало бы ему ведомственный характер".

Переходя к обзору полицейской и, параллельно с этим, революционной деятельности Азефа, Петр Аркадьевич доказал, что последний в террористических современных актах замешан не был, а наоборот, оказывал ценные услуги в предотвращении таковых. Особенно с 1906 года, когда Азеф стал близко к боевой террористической организации, он начал парализовать все действия центрального комитета и ни один террористический замысел не получил с тех пор осуществления. Все же преступления того времени (покушение на Дубасова, взрыв на Аптекарском острове, ограбление в Фонарном переулке, убийство Мина) удаются лишь, будучи делом независимых террористических организаций.

"Вот, господа, все, что по данным министерства внутренних дел известно об Азефе. Я изучал подробно это дело, так как меня интересовало, нет ли в нем действительно улики в соучастии в преступлении, в попустительстве, или небрежности органов Правительства. Я этих данных, указаний или улики не нашел. Если допустить, сказал далее Петр Аркадьевич, что Азеф сообщал департаменту полиции все то, что он знал, то окажется, что один из вожаков, один из главарей революции, был, собственно, не революционером, не провокатором, а сотрудником департамента полиции, и это было бы, конечно, очень печально и тяжело, но никак не для Правительства, а для революционной партии.

Поэтому думаю, что насколько Правительству полезен в этом деле свет, настолько же для революции необходима тьма. Вообразите, господа, весь ужас увлеченного на преступный путь, но идейного, готового жертвовать собой, молодого человека, или девушки, когда перед ними обнаружится вся грязь верхов революции. Не выгоднее ли революции распускать чудовищные, легендарные слухи о преступлениях Правительства, переложить на Правительство весь опиум дела, обвинить его в тех преступных происках, которые деморализуют и членов революционной партии, и самую революцию? Ведь легковверные люди найдутся всегда".

Далее, Столыпин перешел к личностям трех главных обвинителей Азефа. Первым из них — оказывается Бакай, провокатор, предатель и шантажист, который путем своих агентов вымогал у родственников заключенных, подлежащих скорому выпуску на свободу, крупные суммы денег, якобы за их освобождение.

Второй обвинитель — Бурцев. С 23-летнего возраста его революционной верой был сплошной террор, убийства, царубийства. Две самые свободолубивый страны, Англия и Швейцария, признали его в свое время преступным: в первой из них он был в 1898 году осужден на 18 месяцев принудительных работ, за проповедь террора, из второй был выслан за проповедь анархизма и терроризма в своей книжке "К оружию".

Третий обвинитель — Лопухин, бывший директор департамента полиции, ныне (в 1909 г.) преданный суду за сношения с революционерами. Он предал Азефа революционерам, сообщив им, что последний был сотрудником полиции, а затем стал возводить на него голословные обвинения в провокации. Первый вывод из всего сказанного тот, что никаких данных о провокаторстве Азефа не имеется. Второй вывод, заявил П. А., вывод печальный, но неизбежный, что покуда существует революционный террор, должен существовать и полицейский розыск. Познакомьтесь, господа, с революционной литературой, прочтите строки, поучающие о том, как надо бороться посредством террора, посредством бомб, причем рекомендуется, чтобы бомбы эти были чугунные, для того, чтобы было больше осколков, или чтобы они были начинены гвоздями. Ознакомьтесь с проповедью царубийства".

Петр Аркадьевич заявил, что Правительство боролось и всегда будет бороться с провокацией. "Но, господа, сказал он, уродливые явления нельзя возводить в принцип, и я считаю долгом заявить, что в среде органов полиции высоко стоит чувство чести и верности присяге и долгу. Я знаю службу здешнего охранного отделения, я знаю, насколько чины его пренебрежительно относятся к смертельной опасности. Я помню двух начальников охранного отделения, служивших при мне в

Саратове; я помню, как они меня хладнокровно просили, чтобы, когда их убьют, я позаботился об их семье. И оба они убиты и умерли они сознательно за своего Царя и свою Родину".

Петр Аркадьевич закончил словами: "Вся наша полицейская система, весь труд и сила, затрачиваемые на борьбу с раздающей язвой революции, — конечно, не цель, а средство, средство дать возможность жить, трудиться, дать возможность законодательствовать, потому что были попытки и в законодательный учреждения бросать бомбы. А там, где аргумент — бомба, там, конечно, естественный ответ — беспощадность кары.

Не думайте, господа, что достаточно медленно выздоравливающую Россию подкрасить румянами всевозможных вольностей и она станет здоровой. Путь к исцелению России указан с высоты Престола и на вас лежит громадный труд выполнить эту задачу.

Мы, Правительство, мы строим только леса, которые облегчают ваше строительство. Противники наши указывают на эти леса, как на возведенное нами безобразное здание, и яростно бросаются рубить их основание. И леса эти неминуемо рухнут и, может быть, задавят и нас под своими развалинами, но пусть, пусть это случится тогда, когда из-за обломков будет уже видно, по крайней мере, в главных очертаниях, здание обновленной, свободной, — свободной, в лучшем смысле этого слова, свободной от нищеты, от невежества, от бесправия, — преданной, как один человек, своему Государю, — России, — и время это, господа, наступает; и оно наступит, несмотря ни на какие разоблачения, так как на нашей стороне не только сила, но на нашей стороне и правда".

31-го марта 1911 года Петр Аркадьевич отвечал на запрос 32-х членов Государственной Думы, обвинявших Правительство в постоянном преуменьшении прав Думы в вопросах, подлежащих ее рассмотрению, в частности, в вопросе об армии. Подобный запрос был неуместен, ибо не принадлежал к числу, предоставленных Государственной Думе по статье 58. Распоряжение армией принадлежало исключительно Верховной Власти.

"Введите в этот принцип, сказал Столыпин, яд сомнения, внушите нашей армии хотя бы обрывок мысли о том, что устройство ее зависит от коллективной воли, и мощь ее уже перестанет покоиться на единственной, неизменной, соединяющей нашу армию силе — на Власти Верховной. Думе же, в преуказанных ей рамках, остается большая работа на преуспевание нашей армии. Но противозаконно было бы, продолжал Петр Аркадьевич, использование законодательными учреждениями своих бюджетных или кредитных прав для закрепления в армии удобного ей порядка... Я уверен, что Государственная Дума с силой отбросит запрос 32-х своих членов, преуказав этим, что в деле защиты России мы все должны соединить, согласовать свои усилия, свои обязанности и свои права для поддержания одного исторического высшего права, права России быть сильной".

ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

В Государственной Думе, 22-го мая 1909 года, П. А. Столыпин изложил взгляд Правительства на проект свободы вероисповеданий. Он напомнил, что Святейший Синод, вполне свободный при решении дел канонических, был всегда зависим от светской власти в вопросах, касавшихся отношения Церкви к Государству. Предоставление Церкви

вершительства всех ее дел порвало бы вековую дружную ее связь с Государством, прекратило бы обоюдное доверие. Не следует, поэтому порывать традиции.

"Если совершенно бесспорно, заявил Петр Аркадьевич, что раз провозглашена свобода вероисповеданий, то отпадает надобность всякого разрешения гражданских властей на переход в другое вероисповедание, если совершенно бесспорно, что нашим законодательством не могут быть сохранены какие-нибудь кары за вероотступничество, то величайшему сомнению должно быть подвергнуто предложение комиссии, о необходимости провозглашения в закон свободы перехода из христианства в не-христианство".

Думская комиссия находила, что исполнение христианских таинств и обрядов лицами, отрешившимися от христианства, было бы узаконенным кощунством, и что раз переход из христианства в не-христианство не наказуем, то неузаконение такого перехода было бы актом недостойного Государства лицемерия.

По мнению же Петра Аркадьевича, думская комиссия впала сама с собой в противоречие. "Ведь, в действительности, господа, сказал он, гораздо больше лиц, которые себя признают совершенно неверующими, чем таких, которые решаются перейти в магометанство, буддизм или еврейство.

И все соображения комиссии относительно лиц, перешедших в не-христианство, могут быть отнесены полностью к лицам, заявляющим себя неверующими. Ведь эти лица точно так же кощунствуют, совершая таинство, ведь они точно так же должны были бы быть отлучены от Церкви. Между тем комиссия совершенно правильно говорит, что у нас невозможно признание принципа вне вероисповедности. С одной стороны комиссия идет гораздо дальше многих европейских законодательств, которые не знают открытого признания перехода из христианства в не-христианство, с другой стороны комиссия не следует до конца за западными образцами и не решается признать принцип вне вероисповедного состояния.

Однако, торжество теории одинаково опасно и в том, и в другом случае: везде, господа, во всех государствах, принцип свободы совести делает уступки народному духу и народным традициям и проводится в жизнь, строго с ними сообразуясь... Вы видели, заканчивает Петр Аркадьевич, как истово молится наш русский народ, вы не могли не осязать атмосферы накопившегося молитвенного чувства, вы не могли не сознавать, что раздававшиеся в церкви слова— для этого молящегося люда — слова божественный. И народ, ищущий утешения в молитве, поймет, конечно, что за веру, за молитву каждого по своему обряду — закон не карает. Но этот же народ не уразумеет закона, закона чисто вывесочного характера, который провозгласит, что Православие, христианство уравнивается с язычеством, еврейством, магометанством...

Наша задача не состоит в том, чтобы приспособить Православие к отвлеченной теории свободы совести, а в том, чтобы зажечь светочь вероисповедной свободы совести в пределах нашего Русского Православного Государства. Не отягчайте же наш законопроект чуждым, непонятным народу привеском. Помните, что вероисповедный закон будет действовать в Русском Государстве и что утверждать его будет Русский Царь, который для слишком ста миллионов людей был, есть и будет Царь Православный".

ФИНЛЯНДИЯ

5-го мая 1908 года Столыпин, впервые поднимая вопрос о Финляндии, отвечал на запрос Государственной Думы. Прежде всего он заявил что, в виду того, что Финляндия является составной частью Российской Империи, объединенное Правительство отвечает за все в ней происходящее, за все события, за всю сосредоточенную в ней революционную деятельность.

В 1905 году там действовала финляндская красная гвардия с пресловутым капитаном Куком во главе. Кончилось тем, что эта организация приняла участие в Свеаборгском бунте. После нее образовалось под спортивным видом еще более опасное общество "Войма" (Сила), распространявшее множество оружия во всей Финляндии.

Пароходы "Джон Графтон", "Петер", "Ханки" и др. были пойманы при перевозке в Финляндию обильного военного материала. В течении одного 1907 года на территории Финляндии имело место 25 конференций и собраний революционного характера; оттуда же готовились многие покушения. Даже некоторые финляндские должностные лица были замешаны во враждебные нам общества. Финляндские власти относились благожелательно к подобным организациям, так же как и к русским революционерам, находившим себе на финляндской территории самое надежное убежище для подготовки террористических актов; они даже всячески парализовали действия нашей русской полиции. Ввиду всего этого пришлось прибегнуть к установлению вдоль финляндской границы сплошного военного кордона. В делах управления Финляндии, имевших касание к России, тоже встречались затруднения и не нормальности. На основании указа 1-го августа 1891 г. министр статс-секретарь имел право сам решать, касается ли то или другое дело интересов России или нет и соответственно с этим запрашивать или не запрашивать заключения подлежащего министерства Империи.

Но великодушно предоставленное право повело ко многим злоупотреблениям; многие вопросы, задевавшие русские интересы, были решены Финляндией самочинно. Так, были изменены: в 1896 году параграфы учреждения финляндского сената по милиционной экспедиции; в 1906 году закон о русском языке в государственных учреждениях; была внесена в Сенат пропозиция по закону о печати, очень существенная для интересов России. Дошло, наконец, до того, что о многих законопроектах Имперское Правительство узнавало лишь из газетных слухов (среди них законопроекты о промыслах, об оскорблении Величества...). Наконец, без сношения с Имперскими властями, финляндский Сенат приступил к разработке законопроекта о новой форме правления, клонившегося почти к почти полному освобождению Финляндии от связи с Россией.

Для того, чтобы устранить возможность подобных актов и для того, чтобы вообще уничтожить в корне причины разногласия с Финляндией, Петр Аркадьевич отметил необходимость вникнуть в политическое мировоззрение финляндцев. Последнее было основано на заявлении Императора Александра 1-го от 1809 года, в котором Он обещал хранить установления и законы Финляндии. Финляндцы же все поняли, что этим заявлением Император признал особую финляндскую государственность. Александр II в 1863 году упомянул о конституционной монархии при созыве финляндского сейма.

В дальнейшем же Россия, занятая своими внутренними делами, мало интересовалась Финляндией.

"Вот почему, сказал Петр Аркадьевич, эти принципы отдельной финляндской государственности начали понемногу переходить в особую науку, своеобразного финляндского государственного права. Для того, чтобы создать эту науку, подбирались масса документов, причем, конечно, громада таких же документов не подтверждавших этих принципов, отбрасывалась в сторону... Народные университеты и публичные лекции продолжали это же дело и совершенно естественно, что теория скоро перешла в верование, верование перешло в догмат, догмат же трудно опровергать какими-либо рассудочными доказательствами. По этому догмату Финляндия — особое государство, и притом государство конституционное, правовое, государство, которое имеет задачи совершенно различные от задач России, и чем теснее будет связана Финляндия с Россией, тем осуществление этих задач станет невозможнее".

"Вот, господа, продолжал Столыпин, в этой политической атмосфере и застают Финляндию события 1905 года, который послужили пробным камнем и для многих русских, которые в то время, может быть, усумнились в будущем России".

Что же из себя действительно представляет Финляндия? Восточная часть ее — древнее русское достояние (с 1323 г.), вновь завоеванное Петром Великим и Елизаветою корпорированное в состав России. Александр I, завоевавши окончательно Финляндию, объявил о присоединении ее навсегда к Российской Империи.

"Император Александр I, сказал Петр Аркадьевич, даровал Финляндии внутреннюю автономию, он даровал ей и укрепил за нею право внутреннего законодательства, подтвердил все коренные законы, весь распорядок внутреннего управления и судопроизводства, но определение отношений Финляндии к Империи он оставил за Собой и определил его словами: "собственность и державное обладание". В том же духе действовали и последующие Государи, решавшие тогда за Россию и управлявшие Финляндией на патриархальных началах. В дальнейшем же, с созывами финляндских сеймов, отношения эти сильно осложнились, а сеймы стали вторгаться в решение вопросов общегосударственного значения, что и привело к создавшемуся положению.

Русская точка зрения совершенно ясна, Россия не может желать нарушения законных автономных прав Финляндии относительно внутреннего ее законодательства и отдельного административного и судебного устройства, но в обоих законодательных вопросах управления должно быть и общее решение совместно с Финляндией и с преобладанием, конечно, державных прав России".

К таким общим вопросам Петр Аркадьевич отнес защиту государства, наблюдение за крепостями, наблюдение и защиту береговых вод, наблюдение за почтовыми учреждениями, управление телеграфом, таможнями, железными дорогами и т. д.

Способ разрешения подобных вопросов должен быть найден. Путем постоянных думских запросов этого дела урегулировать нельзя. Имеется другой законный путь через Государственную Думу и Государственный Совет. "Вы, господа, не можете, заявил Петр Аркадьевич, отвергнуть от себя обязанностей, несомых вами в качестве народного представительства. Вы не можете разорвать и с прошлым

России. Не напрасно были пролиты потоки русской крови, не бессмысленно и не бессознательно утвердил Петр Великий державный права России на берегах Финляндского залива. Я уверен, господа, закончил Петр Аркадьевич, что вы отвергнете запрос; но вами в ваших русских сердцах будут найдены выражения, который заставят, побудят Правительство, представить на ваш же суд законопроект, устанавливающий способ разрешения наших обеих с Финляндией дел, законопроект, не нарушающей прав маленькой Финляндии, но ограждающий то, что нам всего ближе, всего дороже, — исторические, державные права России".

17-го марта 1910 года Столыпин опубликовал правительственный проект о порядке издания, касавшихся Финляндии, законов и постановлений общегосударственного значения. Последний был представлен в законодательные учреждения и 21-го мая 1910 года. Петр Аркадьевич говорил о нем в Государственной Думе. Он набросал картину неясности и неразрешенности финляндского вопроса, сказавшейся за последнее время особенно в вопрос об отбывании финляндцами воинской повинности. Упомянув снова о событиях 1905 года, он заявил, что каждый раз, когда Финляндии делались уступки, когда русская власть в крае ослабевала, последний делался все требовательнее и враждебнее по отношению к Империи.

Многие финляндцы, напр. финляндский сенатор Лео Мехелин, находили, что "взаимоотношения обеих сторон требуют, чтобы Царь и Великий Князь был единственным русским, который мог бы и должен был бы влиять на финляндские дела". "Отсюда ясен логически вывод, заявил Петр Аркадьевич, что решение вопроса об изменении взаимоотношений России и Финляндии, взаимоотношений сильно осложнившихся за сто лет, должно принадлежать исключительно творчеству финляндского Сейма, России должно принадлежать в лице ее Монарха лишь право "вето", что сводит роль России к пассивному сопротивлению против вредных для нее актов и не дает ей возможности привести свои отношения с Финляндии к благополучному исходу.

Таким образом ныне царствующему Государю, в минуту поворота в финляндских делах, предстояло решить, кто же правомочен осуществить державную власть для установления нормы и порядка общегосударственного законодательства? Даровав, как Самодержавный Государь, Основные Законы Империи, Государь Император, манифестом от 20-го февраля 1906 г. оставил за собой право установить в свое время и законы общегосударственные. Он мог сделать это Сам, Он мог сделать это, вняв финляндским теориям, с помощью финляндского Сейма, Он мог, наконец, призвать к этому делу народное представительство.

Манифестом 14-го марта этот вопрос разрешен и законопроект находится перед Вами, господа члены Государственной Думы; Вам предстоит разрешить вопрос больших исторических размеров, но во время этого исторического суда будут раздаваться и раздаются уже и обвинения, и укоры и нарекания. Указывая на перечень, вам будут доказывать, что русская реакция стремится задушить автономию свободного народа, тогда как в возможности пополнения перечня и заключается признак верховности русского государства, Заключается обеспечение, в случае пропуска или недосмотра, от поворота вновь в такое положение, в котором мы находимся в настоящее время.

Приглашение финляндских депутатов в Думу и Государственный Совет с решающим голосом — это акт величайшей справедливости, но

это в то же время доказательство единства Русской Империи. Смущающий вас, как я слышал, некоторый надзор за школами введен в перечень вследствие той неприязни, того недружелюбия, которое вселяется в школах детям по отношению к России и русскому языку.

Союзы, печать, общество — это все предметы, которые даже в сложных государствах составляют предмет общеимперского законодательства... Но нам будут указывать, конечно, что этим путем бюрократ стремится разрушить высокую местную культуру и народное правосознание. Я вам отвечу словами докладчика, что независимо от финляндского правосознания, существует еще другое правосознание, правосознание русское; вам будут указывать на то, что Правительство не считается с интересами целого народа, — на это я вам отвечу, что Государь доверил дело вам и что помимо вас не пройдет ни один Имперский закон; вам, конечно, будут торжественно указывать на мнение, якобы, Европы, на тысячи собранных финляндцами за границей подписей, — тут уже отвечу вам не я, а ответит вам вся Россия, что многие, видимо, еще не поняли, что при новом строе Россия не разваливается на части, а крепнет и познает себя.

Разрушьте, господа, опасный призрак, нечто худшее, чем вражда и ненависть, — презрение к нашей родине. Презрение чувствуется и в угрозе пассивного сопротивления со стороны некоторых финляндцев, презрение чувствуется и со стороны непрошенных советчиков, презрение чувствуется, к сожалению, и со стороны части нашего общества, которая не верит ни в право, ни в силу русского народа. Стряхните с себя, господа, этот злой сон и, олицетворяя собой Россию, опрошенную Царем в деле, равного которому вы еще не вершили, докажите, что в России выше всего право, опирающееся на всенародную силу".

Государственная Дума, убежденная доводами Столыпина, утверждает законопроект о Финляндии.

8-го июня 1910 года прения по финляндскому законопроекту начались в Государственном Совете. Возражая оппозиции, Петр Аркадьевич заявил в своей речи на этом заседании: "или отрешитесь от общеимперских прав законодательства в пользу финляндского провинциального сейма, или докажите, что дарованные Государем России новые законодательные учреждения считают своим долгом свято охранять то, что принадлежит самому государству". Далее, в заседании 11-го июня он разъяснил, что при проведении проектируемых общих законов будут заслушаны в законодательных учреждениях мнения финляндских членов. До этого же времени "финляндская жизнь будет регулироваться существующими нормами". Итак, закон не причинит ни законодательную обструкцию, ни ущерб финляндским интересам. Он только восстановит державные права России.

17-го июня 1910 года Государь утвердил одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон о порядке издания законов, касающихся Финляндии. Этим был урегулирован вопрос о наших отношениях с Финляндией и окончательно установлен путь дальнейшего финляндского законодательства, намеченный Правительственным способом. Законам подлежало издаваться:

- 1) в порядке, установленном общим законодательством, если они относятся не к одним только внутренним делам этого края, и
- 2) в порядке, установленном особым (финляндским) законодательством, если они относятся к одним только внутренним делам этого края.

В 1911 году П. А. Столыпин возбудил вопрос о присоединении к Петербургской губернии двух сопредельных с нею приходов Выборгской губернии (Кивенекского и Ново-Кирковского). Приходы эти были излюбленным убежищем для наших революционеров. Значительное же коренное русское население приходов не могло добиться равноправия от финляндских властей. Кроме того, к этой мере Правительство побудило стратегическое местоположение приходов, очень существенное для защиты Петербурга и Кронштадта, с суши и с моря. 4-го августа 1911 года вопрос этот получил одобрение Монарха и представление соответствующего законопроекта было получено Столыпину.

ЗАБОТА О ГОРОДАХ

20-го февраля 1910 года П. А. Столыпин давал разъяснения в Государственном Совете насчет законопроекта о взимании сбора с грузов в пользу городов. Он указал, что этими сборами города воспользуются для сооружения определенных дорог. Период сбора будет кратковременным и обложен сбором будет тот груз, который впоследствии воспользуется подлежащими сооружению дорогами. Петр Аркадьевич отметил, что Россия страдает от еще одной лишней стихии — бездорожья. Станции бывают часто совсем отрезанными от селительных пунктов. Это бедствие чревато большими убытками особенно для городов: из 488 станций, обслуживающих одноименные с ними города, 238 станции лежат вне селительной их части, а большинство станций на уездной территории. У самых же городов нет средств, чтобы подвести к этим станциям подъездные пути и с них нельзя требовать таковых средств (138 статья Городового положения). Самым же справедливым является взимание попутного сбора с товара, подлежащего провозу. Для товароотправителя и потребителя подобный сбор не может быть обременительным, будучи в соответствии со стоимостью товара, а является, наоборот, более выгодным в виду его кратковременности, чем поздний сбор на уже сооруженные пути. Настаивая на проведении этой меры, в заседании 24 февраля, и доказывая предпочтительность проведения ее в порядке административном, т. е. в редакции, принятой Государственной Думой, Петр Аркадьевич заявил:

"надо просто использовать нашу высшую административную власть для того, чтобы начать, по крайней мере, первоначальную скромную борьбу с громадным нашим злом — бездорожьем". Государственный Совет и принял законопроект именно в этой редакции.

В ноябре 1909 года Петр Аркадьевич внес в Государственную Думу законопроект о сооружении канализации и переустройстве водоснабжения в Петербурге. Согласно этому проекту, вышеозначенная мера должна была производиться непосредственным распоряжением Правительства, при наличии комиссии и техническо-хозяйственного комитета с достаточно широко в нем представленным общественным элементом. Общие проекты должны были быть составлены не позже трех лет, а проектировавшиеся сооружения должны были быть окончены в 15-тилетний срок со дня утверждения законопроекта. По истечении этого срока, предприятия должны были быть переданы городу, что же касается финансовой стороны, то было установлено на основании опытов других городов, что водоснабжение и канализация не только окупаются платой за пользование ими, но нередко приносят более или менее крупный чистый доход.

Размер строительного капитала был определен в 100 миллионов рублей. — 8-го августа 1910 года Петр Аркадьевич вызвал Петербургского городского голову для выяснения санитарного состояния города и организации мер борьбы с холерной эпидемией. Петр Аркадьевич ознакомился также с мерами, предпринятыми для улучшения воды и по сооружению озонной станции.

19-го января 1911 года Столыпин произнес в Государственной Думе речь о канализации С. Петербурга, города, в котором "число смертей уже превышает число рождений, в котором одна треть смертей происходит от заразных болезней... в котором время от времени появляются возвратный тиф, болезнь давно исчезнувшая на Западе, в котором почва благоприятна для развития всяких бактерий..."

Защищая проект Правительства, и указывая на необходимость правительственного содействия в этом деле, в виду многолетней нерешительности Городской Думы, Петр Аркадьевич подчеркнул:

"Я не хочу, не желаю оставаться доле безвольным и бессильным зрителем вымирания низов, хочу наверное знать, что при каких бы то ни было обстоятельствах, при каких бы то ни было условиях, через 10 лет в столице русского Царя будет, наконец, чистая вода и мы не будем гнить в своих собственных нечистотах. Я не поверю и никто мне не докажет, что тут необходимо считаться с чувством какой-то деликатности по отношению к городскому управлению, что тут может существовать опасение обидеть людей или оскорбить идеи. Я прошу вас выразить вашу твердую волю, имя в виду не только один Петербург, — нет, это необходимо и по отношению всей России". Далее, Петр Аркадьевич сообщил об ужасных условиях городов Поволжья, наводняемых к тому же ежегодно эпидемиями и болезнями из Азии.

"Правительство просит вас довести дело до конца, заключил Петр Аркадьевич, просит вас подчеркнуть непреклонность вашего решения, памятуя, конечно, не о самолюбии тех или других деятелей, а о простом бедном рабочем люде, который живет или скорее гибнет в самых невозможных условиях и о котором, под названием пролетариата, здесь принято вспоминать, главным образом, как о козыре в политической игре".

После прений и голосований законопроект принимается.

15-го октября 1909 года Петр Аркадьевич изложил в совете по делам местного хозяйства проект о введении городского положения в городах Царства Польского. Министерство при этом исходило из следующего принципа: "предоставить этим городам полный объем прав по самоуправлению, которыми обладают города русские, сделать это в форме и в рамках, обычных местному населению, и установить сразу окончательный способ самоуправления, не подлежащей уже дальнейшей эволюции в зависимости от предстоящих изменений городского положения в коренной России". Основывалось министерство при разработке проекта на городском положении 92 года. Внесенные в него ограничения заключались в обеспечении политических прав Государства и в наделении русских горожан, вне зависимости от воли большинства, правом участия в городском самоуправлении. Петр Аркадьевич заявил далее, что тогда как в Западном крае Министерство стремится создать земство по окраске русское, то в городах Царства Польского оно ожидает увидеть самоуправление польское, подчиненное лишь русской государственной идее.

Подробности законопроекта заключались: в привлечении в состав городских избирателей не только владельцев недвижимостей, но и квартиронанимателей, каковыми русские наиболее часто являлись в этом крае; в разделении городских избирателей на три курии: русскую, еврейскую и из остальных обывателей (этим путем предполагалось обеспечить участие русских горожан в городском управлении и избежать преобладания в последних еврейского элемента; по проекту предполагалось допустить евреев в городские думы в количестве не более одной пятой всего состава). Компетенцию городов проект точно согласовал с компетенцией городов центральной России. Особенностью законопроекта являлась также обязательность русского государственного языка для делопроизводства и сношении и допущение наряду с русским и польского языка во внутреннем домашнем делопроизводстве.

"Я надеюсь, закончил Петр Аркадьевич, что ваши суждения здесь, а затем и применение будущего закона на месте послужат, доказательством честного стремления польского населения воспользоваться благами самоуправления, на которое оно имеет право по высоте своей самобытной культуры, но без задней мысли обратить самоуправление в орудие политической борьбы или в средство для достижения политической автономии. Я надеюсь на это тем более, что второй законопроект, который поставлен на очередь Министерством, будет законопроект о введении в губерниях Царства Польского самоуправления земского."

ЗАПАДНОЕ ЗЕМСТВО

Мысль о введении земства в западных губерниях зародилась у Столыпина еще в бытность его Предводителем Дворянства в Ковенской губернии. Узнав и полюбив этот край, Столыпин чувствовал, как сильно препятствовало его культурному росту отсутствие земских представительных учреждений, но русские государственные интересы не допускали их введения в губернии, в которой большинство крупных землевладений принадлежало инородцам. Благодаря энергии и личному авторитету Столыпина, ему удалось, в бытность его Предводителем Дворянства, создать "Ковенское Общество Сельского Хозяйства" и в нем, на почве общности сельскохозяйственных интересов, объединить для общей работы русских, поляков и литовцев. В трех юго-западных и трех белорусских губерниях русское землевладение было более крепким и Столыпин, сделавшись Министром Внутренних Дел, поспешил поднять вопрос о земстве в Западном Крае. (*Ковно-Каунас – Лумва; ldn-knigi*)

В 1909 году Правительство признало существовавший закон о выборах в Государственный Совет от девяти губерний западного края (Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской) неудовлетворительным и неправильным, так как несмотря на значительное преобладание русского землевладения в крае, в его совокупности, представителями от всех губерний пошли поляки, тогда как польское население края составляло всего четыре процента и вследствие этого избранные представители не являлись представителями интересов всего его населения, а лишь интересов высшего наносного слоя. Самым правильным выводом из создавшегося положения Правительство считало распространение

земства на эти 9 губерний. Но на это требовалось время. Вследствие этого Правительство внесло законопроект о продлении полномочий уже выбранных членов Государственного Совета на один год. Этим промежутком времени Правительство предполагало воспользоваться для разработки и внесения проекта о западном земстве. Мера такого продления полномочий явилась бы не только целесообразной, но и вполне законной, имеющей много прецедентов как в нашей, так и западноевропейской практике. В своей речи по этому вопросу Петр Аркадьевич заявил, что положение Правительства крайне облегчалось тем, что Государственная Дума сама высказала пожелание о введении западного земства. Он добавил, что соответствующий законопроект будет внесен на рассмотрение осенней сессии.

Государственная Дума приняла проект Правительства с вариантом, заменившим продление полномочий членов Государственного Совета на один год годичным избранием новых членов.

6-го октября 1909 года, открывая сессию Совета по делам Местного хозяйства, Петр Аркадьевич изложил правительственный законопроект о введении земства в девяти западных губерниях.

Согласно проекту крупные города (Минск, Вильну, Киев) подлежало выделить в особые земские единицы, по примеру городов центральной России. В проект не сочли возможным основаться всецело на земском положении 90-го года, ввиду того, что последнее дает преобладание дворянскому сословию. Таковое же в западном крае состояло преимущественно из поляков. Поэтому в законопроекте был проведен принцип бессословности.

Разноплеменность населения являлась главным камнем преткновения законопроекта: хотя земские учреждения и суть учреждения не политические, а хозяйственные и для правильного их действия нужно участие в них всех элементов края, однако, нельзя придавать им определенную племенную окраску.

Последнее отразилось бы на хозяйственной жизни, на хозяйственных интересах края, которые проникают в народную гущу глубже, чем даже интересы политические. Поэтому для защиты русских государственных интересов, Правительство ввело в законопроект принцип национальных отделений при выборе уездных гласных и таких же отделений в городских думах и уездных земских собраниях при выборе гласных губернских. Для определения числа гласных по национальностям в проекте предлагалось остановиться на способ, отражающем действительное соотношение различных групп населения, на принятии в расчет двух признаков: количественного и имущественного.

В местностях же с весьма слабым русским населением предполагались проектом следующие минимальные требования. Должны были быть лица русского происхождения: председатель губернской земской управы, все главнейшие должности по найму, не менее половины выборных должностей и не менее половины мелких служащих по найму.

Этим исчерпывались особенности законопроекта, введением которого Правительство предполагало "приблизить хозяйственное положение губерний западного края к хозяйственному распорядку, обиходу коренных русских губерний, с тем чтобы дать западному краю реформированное земство, впоследствии, вместе со всей остальной Россией".

7-го мая 1910 года Петр Аркадьевич защищал в Государственной Думе правительственный законопроект о введении западного земства. Он оспаривал мнения оппозиции, говорившей, что всякие ограничения для местного элемента было бы введение политики в ту область, которая политике чужда, было бы искусственным раздуванием старинной племенной вражды.

Он заявил, что Правительство, принимая во внимание эти доводы, стало все же на иную точку зрения, поставило на первый план национальную задачу в Западном крае, требующую подчинения земской идеи, идее государственной. Ведь вправе ли было бы государство предоставлять самим себе не окрепшие русские ячейки края в их состязании с крепкими цитаделями польской культуры? Разрешение вопроса следовало бы искать не в абстрактной доктрине, а в опыт прошлого и в области фактов. "И вот, продолжал Петр Аркадьевич, совершенно добросовестные изыскания в этой области привели Правительство к необходимости: во-первых, разграничить польские и русские элементы во время самого процесса земских выборов; во-вторых, установить процентное отношение русских и польских гласных, не только фиксировать их имущественное положение, но запечатлеть исторически сложившееся соотношение этих сил; в-третьих, учесть в будущем земства историческую роль и значение православного духовенства и, наконец, дать известное отражение правам русского элемента в будущих земских учреждениях".

Столыпин нашел целесообразным временно отсрочить введение земства в трех губерниях виленского генерал-губернаторства, где русский элемент еще слишком слаб. "Если, не считаясь с этими условиями, говорил П. А., ввести земство в этих трех губерниях, то население вынесло бы впечатление, что край перешел в область тяготения к Царству Польскому, что Правительство не могло удержать его в своих руках, вследствие своей материальной слабости или отсутствия государственного смысла." В остальных же 6 губерниях земство следует ввести одновременно, что вполне позволяет наличие в нем более прочного русского элемента.

"Я принужден, продолжал Петр Аркадьевич, привести вам несколько исторических сопоставлений, поучительных, по моему взгляду, для предотвращения от повторения неоднократно уже повторявшихся ошибок. Западные губернии, как вам известно, в 14-ом столетии представляли из себя сильное литовско-русское государство.

В 18-м веке край этот перешел опять под власть России, с ополяченным и перешедшим в католичество высшим классом населения и с низшим классом, поработанным и угнетенным, но сохранившим вместе со своим духовенством преданность Православию и России. В эту эпоху русское государство было властно вводить в крае русские государственные начала. Мы видим Екатерину Великую, несмотря на всю ее гуманность, водворявшую в крае русских землевладельцев, русских должностных лиц, вводящую общие губернские учреждения, отменявшую литовский статут и магдебургское право.

Ясно стремление этой Государыни укрепить еще струящиеся в крае русские течения, влив в них новую русскую силу для того, чтобы придать всему краю прежнюю русскую государственную окраску. Но не так думали ее преемники... Они считали эту борьбу просто законченной. Справедливость, оказанная высшему польскому классу населения, должна была сделать эту борьбу бессмысленной, ненужной, должна была

привлечь эти верхи населения в пользу русской государственной идеи". Опыт Павла и Александра I-го, приведший край к прежнему положению, был чреват последствиями. "Но то, продолжал Петр Аркадьевич, что в великодушных помыслах названных Государей было актом справедливости, на деле оказалось политическим соблазном. Облегчили польской интеллигенции возможность политической борьбы и думали, что, в благодарность за это, она от этой борьбы откажется". Дело и кончилось в 1831 году первым вооруженным восстанием, открывшим глаза Правительству.

Император Николай I-й вернулся к политике Екатерины Великой и мало-помалу планы Императора начали проходить в жизнь. Но Император Александр II-й, по своему великодушию, пошел на уступки, поляки были попросту снова сбиты с толку, начали обращаться со все большими домогательствами и дело кончилось вторым вооруженным восстанием.

Наконец: в 1905 году в Польше, в ответ на новые льготы сильно увеличилась вражда к России. "Вот, заявил Петр Аркадьевич, те исторические уроки, которые, я думаю, с достаточной яркостью указывают, что такое Государство, как Россия, не может и не в праве безнаказанно отказываться от проведения своей исторической задачи. Я часто вспоминал, продолжал Петр Аркадьевич, о том, что мне приходилось говорить депутатам польским, которые являлись ко мне перед роспуском второй Думы...

Я говорил им, что в политике нет мести, но есть последствия. Но поляки не были в силах изменить свое политическое направление, они не могут этого сделать, и при выборах в Государственную Думу и Совет, везде, где русские им предлагали соглашение, почти везде они это отвергали... Все это, конечно, повлияло и на Правительство, которое в 1906 году готовило законопроект о введении земства в западном крае на началах пропорционального представительства, но намерение это оставило".

Поэтому и возникла необходимость оградить многочисленное, но экономически слабое русское население от преобладающего польского элемента на время выборов, возникла необходимость национальных курий. Но кроме этого необходимо было преобладание русского элемента в земских собраниях. Землевладельцам полякам принадлежали в крае огромные земельные пространства и численно подавляющее русское большинство населения являлось земельно бедным. Поэтому законопроект и предложил принять во внимание не один имущественный признак, но и признак национальный, предложив учесть, так сказать, признак имущественно-культурный. Далее, он упомянул об установленном проекте минимум русского элемента в земских учреждениях, без наличия которого большинство должностей по найму попало бы в руки влиятельных поляков.

"Но я бы не хотел сойти с этой трибуны, заканчивает Петр Аркадьевич, не подчеркнувши еще раз, что цель правительственного законопроекта не в угнетении прав польских уроженцев западного края, а в защите прав уроженцев русских. Законопроект дает законное представительство всем слоям местного населения, всем интересам; он только ставит предел дальнейшей многовековой, племенной политической борьбе, он ставит этот предел, ограждая властным и решительным словом русские государственные начала. Подтверждение этого принципа здесь, в этом зале вами, господа, разрушит, может быть,

немало иллюзий и надежд, но предупредит и немало несчастий и недоразумений, запечатлев открыто и нелицемерно, что западный край есть и будет край русский, навсегда, навеки".

15-го мая 1910 года Столыпин возражал в Государственной Думе против поправок к законопроекту о западном земстве, внесенных оппозицией. Петр Аркадьевич отметил, что дело идет не о Царстве Польском, а об области, в которой среднее число поляков составляет 4 % населения. "Если бы Правительство руководствовалось национальным шовинизмом, продолжал Петр Аркадьевич, оно предложило бы вам опереться на эти цифры, но вы знаете, что Правительство само, дорожа культурным элементом, внесло в свой законопроект принцип имущественный".

Защищая, далее, особенности законопроекта, Петр Аркадьевич заявил, "что частное землевладение образовалось в крае не путем естественного правильного местного нарастания, а в силу исторического шквала, который налетел на этот край и опрокинул в нем все русское. Нельзя, продолжал Петр Аркадьевич, исключительное, притом неблагоприятное для русских, антинациональное историческое явление брать за основу, единственную основу всего законопроекта; нельзя забыть все прошлое, нельзя на все махнуть рукой, торжествовала бы только теория, шаблон, одинаковый на всю Россию".

Прояв отклонить все поправки, Петр Аркадьевич заканчивает словами: "Не принят будет этот законопроект, край будет долго пребывать в той экономической дремоте, в которой досель пребывает Западная Россия... Не забывайте этого".

Вокруг одобренного Думой законопроекта разыгралась в Государственном Совете напряженная борьба. В борьбе со Столыпиным против законопроекта, группа крайних правых сплотилась с поляками и частью центра. С речью о законопроекте Петр Аркадьевич выступил в Государственном Совете, 1-го февраля 1911 года. Он отметил, что земство имеет полную возможность быть трудоспособным и при наличии введенных в законопроект ограничений, т. к. число полных цензовиков превышает число предполагаемых гласных, а для того, чтобы еще усилить русские курии, Государственная Дума приняла поправку, уменьшающую земский ценз вдвое.

Культурный уровень избирателей от этой меры не понизился бы. С одной стороны ценность недвижимого имущества за последнее десятилетие удвоилась, а с другой стороны состав полуцензовиков в образовательном отношении является вполне доброкачественным.

"И вот, при наличии таких условий, заявил Столыпин, я полагаю, что вводимое земство будет культурно, будет работоспособно и будет государственно". "Возвращаясь к общему вопросу, заключил он, я нахожу, что совершенно недопустимо разногласие с Государственной Думой в вопросе, в котором Дума поднялась до высокого понимания русского государственного начала. Я не хочу верить, чтобы русские и польские избиратели могли быть ввергнуты в совершенно ненужную и бесплодную политическую борьбу, но пусть, господа, не будет этого, пусть из-за боязни идти своим русским твердым путем не остановится развитие прекрасного и богатого края, пусть не будет отложено и затем надолго забыто введение в крае земского самоуправления.

Этого достичь легче, к этому идут. И если это будет достигнуто, то в многострадальную историю русского Запада будет вписана еще одна

страница, страница русского поражения. Придавлено, побеждено будет возрождающееся русское самосознание и на поле брани, не силою меча, а на ристалище мысли, гипнозом теории и силою красивой фразы".

4-го марта 1911 года, при постатейном обсуждении правительственного законопроекта, сплотившиеся враги последнего обрушились на статью о национальных куриях. В ответной речи Петр Аркадьевич назвал эту статью "вопросом государственной важности, центральным вопросом настоящего законопроекта".

"Правительство понимает, говорил он, что необходимо в должной мере, использовать и густо окрашенную польскую струю, польское течение, но опасно лишь равномерно разлить эту струю на всей поверхности будущих земских учреждений. Необходимо преклонять права отдельных лиц, отдельных групп, к правам целого".

Решение противников справа было заранее заготовлено и образование национальных курий было отклонено. Этим самым крайне правые с П. Н. Дурново и В. Ф. Треповым во главе, сознательно губили не только западное земство, но и наносили удар лично Столыпину, всей его деятельности и государственной программе. Это была уже не первая их попытка и в виду сложившейся таким образом обстановки, Петр Аркадьевич подал прошение об отставке.

Таким поворотом дела был взволнован западный край, вражеские силы начали поднимать голову, русское духовенство в крае подверглось оскорблениям, а в Финляндии известие об отставке Петра Аркадьевича вызвало в некоторых кругах настоящие ликования.

Силы реакции и революции торжествовали. Тем более неожиданно было известие 11 марта о благополучном исходе кризиса, о сохранении Столыпинным его поста, об увольнении членов Государственного Совета Трепова и Дурново, совместная работа с которыми была признана Петром Аркадьевичем невозможной. 12-го марта был опубликован Высочайший Указ о перерыве, на основании 99 статьи Основных Законов, занятий Государственного Совета и Государственной Думы на три дня. Этот срок перерыва давал возможность воспользоваться прерогативами Верховной Власти путем опубликования закона западного земства, с поправками к нему Государ. Думы. Последнее и было сделано на основании ст. 87 Основных Законов, Именным Высочайшим Указом Правительствующему Сенату от 14-го марта 1911 года.

Уже 1-го апреля 1911 года Петр Аркадьевич давал объяснения по поводу обращенного к нему запроса Государственного Совета. Он заявил, что Государственный Совет совершил юридически неправильный акт, предьявляя запрос к Совету Министров, учреждению не подчиненному Правительствующему Сенату, в котором иногда председательствует Государь. Таким образом, противники законопроекта, продолжая свое дело, покушались на прерогативы Верховной Власти. Поэтому, не признавая запрос, Петр Аркадьевич давал лишь объяснения Государственному Совету в деле, его касавшемся.

Петр Аркадьевич заявил, что вся ответственность за происшедшее лежит лично на нем, как на лице, представившем на утверждение Государя акт о проведении западного земства на основании ст. 87.

Далее, он доказал полную законность принятого им пути. Правительство не может признать, заявил он, что Государственный Совет безошибочен и что в нем не может завязаться мертвый узел, который развязан в путях существующих законов, может быть только сверху". Объяснения Петра Аркадьевича были признаны неудовлетворительными,

независимо от их существа и это было проведено в резолюции Государственного Совета.

29-го апреля 1911 года Столыпин отвечал на аналогичный запрос Государственной Думы.

Отвергая по тем же мотивам законность запроса и соглашаясь лишь давать разъяснения, касавшиеся Думы (в порядке ст. 40), Петр Аркадьевич привел те же юридические аргументы, описал ход событий и заявил далее: "Правительство должно было решить, достойно ли продолжать, корректно и машинально вертеть правительственное колесо, изготовляя проекты, которые никогда не должны увидеть света, или же Правительство, которое является выразителем и исполнителем предначертаний Верховной Власти, имеет право и обязано вести определенную, яркую политику..."

Второй путь, путь тяжелый и тернистый, на котором под свист насмешек, под гул угроз, в конце, концов, все же выход к намеченной цели. Для лиц, стоящих у власти, нет, господа, греха большего, чем малодушное уклонение от ответственности. Я и признаю открыто: в том, что предложен был второй путь, второй исход, ответственны мы в том, что мы, как умеем, как понимаем, бережем будущее нашей Родины и смело вбиваем гвозди в вами же сооруженную постройку будущей России, не стыдящейся быть русской,— ответственны мы, и эта ответственность — величайшее счастье моей жизни. И как бы вы, господа, не относились к происшедшему, ваше постановление, быть может, по весьма сложным политическим соображениям, уже предрешено, — как бы придирчиво вы не судили и не осудили даже формы содеянного, я знаю, я верю, что многие из вас в глубине души признают, что 14-го марта случилось нечто, не нарушившее, а укрепившее права молодого русского представительства. Патриотический порыв Государственной Думы в деле создания русского земства на Западе России был понят, оценен и согрет одобрением Верховной Власти".

С этого времени и до самого прибытия Государя в Киев, к Петру Аркадьевичу поступали благодарственные телеграммы от земских избирателей и гласных Западного края русского и польского происхождения. Все лето 1911 года, как и всегда, не позволяя себе отдыха, проработал Петр Аркадьевич над разработкой стоявших на очереди государственных дел и 25-го августа отбыл в Киев.

По приезде Государя в Киев, состоялись торжественная встреча, маневры, освящение памятника Императору Александру II, смотры и приемы земских представителей Края, получившего земство. 1-го сентября в 9 часов вечера начался в городском театре, в Высочайшем присутствии, парадный спектакль. В 11½ часов, в антракте, после второго акта, П. А., сидевший в первом ряду близ Государевой ложи, поднялся с места и стал спиной к сцене, разговаривая с подходившими к нему лицами. Вдруг раздалась в зал один за другим два выстрела...

Раненый двумя пулями Столыпин сохранил присутствие духа. Он осенил крестным знаменем себя и царскую ложу, в которой стоял Государь, после чего, мертвенно бледный, стал падать. После консилиума в больнице доктора Маковского, куда был перенесен Петр Аркадьевич, у всех явилась надежда, что спасение его возможно.

От мгновенной смерти спас крест Св. Владимира, в который попала пуля, и, раздробив который, изменила прямое направление в

сердце. Этой пулей оказались пробиты грудная клетка, плевра, грудобрюшная преграда и печень. Другую пулей насквозь пронизана кисть левой руки. 4-го сентября, произошло резкое ухудшение в состоянии здоровья, а 5-го сентября, в 10 ч. 12 минут вечера, Столыпина не стало...

Когда-то он сказал: "Каждое утро, когда я просыпаюсь, и творю молитву, я смотрю на предстоящий день, как на последний в жизни, и готовлюсь выполнить все свои обязанности, уже устремляя взор в вечность. А вечером, когда я опять возвращаюсь в свою комнату, то говорю себе, что должен благодарить Бога за лишний дарованный мне в жизни день. Это единственное следствие моего постоянного сознания близости смерти, как расплата за свои убеждения. И порой я ясно чувствую, что должен наступить день, когда замысел убийцы, наконец, удастся".

Смерть действительно прервала на полном ходу деятельность Столыпина. Унесла его в могилу, не дав, закончить предпринятый им гигантский труд задачу, в которую верил он всю жизнь.

Им было сказано когда-то: "Итак, на очереди главная наша задача — укрепить низы. В них вся сила страны. Их более 100 миллионов и будут здоровы и крепки корни у государства, поверьте — и слова Русского Правительства совсем иначе зазвучат перед Европой и перед целым миром... Дружная, общая, основанная на взаимном доверии работа — вот девиз для нас всех, Русских.

Дайте Государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России".

Промысел Божий определил иначе и не дал сбыться этим словам. Но мнится, что после налетевшего теперь на нашу Родину исторического шквала, деятельность Петра Аркадьевича Столыпина явится соединительным звеном между старой и возрожденной Россией. Дела его глубоко запечатлелись в сердцах русских людей. Возвращением к его начинаниям, к его заветам, воздвигнет новая Россия бессмертный памятник лучшему из ее сынов взамен рукотворного, воздвигнутого когда-то. Помыслы о последнем выразила наша Родина устами Императора Николая II-го, начертавшего на журнале Совета Министров:

"Преклонимся же пред этой редкой, удивительной, геройской кончиной Петра Аркадьевича Столыпина и принесем свою посильную лепту на дело любви и почитания его светлой памяти, на сооружение памятника — достойнейшему".

А. С.

СМЕРТЬ СТОЛЫПИНА

Из воспоминаний бывшего киевского Губернатора.
18-го Января 1927 г. Париж. А. Гирс.

1-го сентября 1911 года был четвертый день пребывания в Киеве Императора Николая II, посетившего с Августейшей Семейю Мать городов русских, чтобы присутствовать на открытии памятника Царю - Освободителю и на маневрах войск Киевского Округа.

Утро 1-го сентября было особенно хорошим, солнце на безоблачном небе светило ярко, но в воздухе чувствовался живительный осенний холодок. В восьмом часу утра я отправился ко дворцу, чтобы быть при отъезде Государя на маневры. После проводов Государя, ко мне подошел Начальник Киевского Охранного Отделения полковник Кулябко и обратился с следующими словами: "Сегодня предстоит тяжелый день; ночью прибыла в Киев женщина, на которую боевой дружиной возложено произвести террористический акт в Киеве; жертвой намечен, по-видимому, Председатель Совета Министров, но не исключается и попытка Цареубийства, а также и покушения на Министра Народного Просвещения Кассо; рано утром я доложил обо всем Генерал-Губернатору, который уехал с Государем на маневры.

Генерал Трепов заходил к П. А. Столыпину и просил его быть осторожным; я остался в городе, чтобы разыскать и задержать террористку, а генерал Курлов и полковник Спиридович тоже уехали с Государем". Мы условились, что полковник Кулябко вышлет за Председателем Совета Министров закрытый автомобиль, чтобы в пять часов дня отвезти его в Печерск на ипподром, где должен был происходить в Высочайшем присутствии смотр потешных. Кулябко передаст шоферу маршрут, чтобы доставить министра туда и обратно кружным путем. По приезде А. П. Столыпина к трибуне я встречу его внизу и провожу в ложу, назначенную для Совета Министров и лиц свиты, возле царской; вокруг Кулябко незаметно расположит охрану. Кулябко просил провести Министра так, чтобы он не останавливался на лестнице и в узких местах прохода.

Я спросил Кулябко, что он предполагает делать, если обнаружить и арестовать террористку не удастся. На это он ответил, что вблизи Государя и Министров он будет все время держать своего агента-осведомителя, знающего террористку в лицо. По данному этим агентом указанию она будет немедленно схвачена.

До крайности встревоженный всем слышанным, я поехал в городской театр, где заканчивались работы к предстоявшему в тот же вечер парадному спектаклю, и в Печерск на ипподром. Поднимаясь по Институтской улиц я увидел шедшего мне навстречу П. А. Столыпина. Несмотря на сделанное ему Генерал-Губернатором предостережение, он вышел около 11 часов утра из дома Начальника Края, в котором жил. Я повернул в ближайшую улицу, незаметно вышел из экипажа и пошел за министром по противоположному тротуару, но П. А. скоро скрылся в подъезд Государственного Банка, где жил Министр Финансов Коковцев.

В пятом часу дня начался съезд приглашенных на ипподром. На кругу перед трибунами выстроились в шахматном порядке учащиеся школ Киевского Учебного Округа. Яркое солнце освещало их рубашки, белея на темном фоне деревьев. Незадолго до 5 часов прибыл

Председатель Совета Министров, и я встретил его на условленном месте. Выйдя из автомобиля, П. А. Столыпин стал подниматься по лестнице, но встретившие его знакомые задерживали его и я видел обеспокоенное лицо Кулябки, который делал мне знаки скорее проходить. Мы шли мимо лож занятых дамами. П. А. остановился у одной из них, в которой сидела вдова умершего сановника. Здороваясь с ним и смотря на его обвешанный орденами сюртук, она промолвила:

"Петр Аркадьевич, что это за крест у вас на груди, точно могильный?" Известная своим злым языком, дама незадолго до того утверждала, что дни Столыпина на посту Председателя Министров сочтены и она хотела его уколоть, но эти слова, которым я невольно придал другой смысл, больно ударили меня по нервам. Сидевшие в ложе другие дамы испуганно переглянулись, но Столыпин совершенно спокойно ответил:

"этот крест, почти могильный, я получил за труды Саратовского Местного Управления Красного Креста, во главе которого я стоял во время Японской войны".

Затем Министр сделал несколько шагов вперед, и я просил его войти в ложу, предназначенную, как я уже сказал, Совету Министров и Свите. Министр войти в ложу не пожелал и на мой вопрос почему, возразил:

"без приглашения Министра Двора я сюда войти не могу". С этими словами П. А. Столыпин стал спускаться с трибуны по лестнице, направляясь на площадку перед трибунами, занятой приглашенной публикой. У окружавшего площадку барьера, с правой стороны, Министр остановился. Через несколько минут я увидел, что сидевшие кругом, в разных местах, лица в штатских костюмах поднялись со своих сидений и незаметно стали полукругом, на расстоянии около 20 шагов от нас, по ту и другую сторону барьера. П. А. Столыпин имел вид крайне утомленный.

"Скажите, начал П. А. свою беседу со мной; кому принадлежит распоряжение о воспрещении учащимся-евреям участвовать 30-го августа, наравне с другими, в шпалерах во время шествия Государя с крестным ходом к месту открытия памятника?" Я ответил, что это распоряжение было сделано Попечителем Киевского Учебного Округа Зиловым, который мотивировал его тем, что процессия имела церковный характер. Он исключил поэтому всех не христиан, т. е. евреев и магометан. Министр спросил: "отчего же вы не доложили об этом мне, или Начальнику Края?"

Я ответил, что в Киеве находился Министр Народного Просвещения, от которого зависало отменить распоряжение попечителя округа. П. А. Столыпин возразил: "Министр Народного Просвещения тоже ничего не знал. Произошло то, что Государь узнал о случившемся раньше меня. Его Величество, крайне этим недоволен и повелел мне примерно взыскать с виновного. Подобные распоряжения, которые будут приняты как обида, нанесенная еврейской части населения, нелепы и вредны. Они вызывают в детях национальную рознь и раздражение, что недопустимо и их последствия ложатся на голову Монарха".

В конце сентября попечитель Киевского Учебного Округа, Тайный Советник Зилов, был уволен от службы.

Во время этих слов я услышал, как возле меня что-то шелкнуло, я повернул голову и увидел фотографа, сделавшего снимок со Столыпина.

Возле фотографического аппарата стоял человек в штатском сюртуке с резкими чертами лица, смотревший в упор на Министра. Я подумал сначала, что это помощник фотографа, но сам фотограф с аппаратом ушел, а он продолжал стоять на том же месте. Заметив находившаяся рядом Кулябко, я понял, что этот человек был агентом охранного отделения, и с этого момента он уже не возбуждал во мне беспокойства.

Знакомые начали подходить к П. А., но Министр не был на этот раз словоохотлив, и разговор не завязывался. Вскоре он опять остался один со мной, Стрелка показывала далеко за 5, но Государь против обыкновения сильно запаздывал, а из Святошина сообщили, что Он еще не приехал с маневров. Я стал рассказывать о киевских делах. Министр слушал безучастно. Он оживился только, когда я заговорил о ходе землеустроительных работ по расселению на хутора в Уманском уезде — первом в России по количеству расселенных и по площади, охваченной движением, принявшим в целом округе, стихийный характер.

После минуты раздумья Министр сказал: "если ни что не помешает я съезжу после отъезда Государя на несколько дней в Корсунь, а оттуда проеду посмотреть уманские хутора, но об этом никому не говорите, пока я не переговорю с Начальником Края". Когда я заговорил о выборах в земство и о достигнутых результатах, Министр стал слушать внимательно. Он называл фамилии некоторых лиц и интересовался их характеристикой, а затем сказал следующее: "Государь очень доволен составом земских гласных. Он надеется, что их воодушевление искренно и прочно. Я рад, что уверенность в необходимости распространения земских учреждений на этот край сообщилась Государю. Вы увидите, как край расцветет через десять лет. Земство можно было ввести здесь давно, конечно, с нужными ограничениями для польского землевладения. Я заметил также, что та острота, которой сопровождалась прения Государственного Совета и Думы по вопросу о национальных куриях, не имеет корней на месте. Поляки везде с большим интересом и вполне лояльно отнеслись к выборам. Я сам в свое время много работал с поляками, знаю, что они прекрасные работники, и потому не сомневаюсь, что земская деятельность послужит к общему сближению".

С опозданием часа на полтора приехал Государь с детьми. П. А. встретил Государя внизу и прошел в ложу рядом с Царской. Охранявшая Министра охрана, в том числе и агент, стоявшие у фотографического аппарата, сошла со своих мест и окружила государя, Его Семью, Министров и Свиту. Смотр потешных прошел, и разъезд закончился около 8 часов вполне благополучно.

К 9 часам начался съезд приглашенных в театр. На театральной площади и прилегающих улицах стояли сильные наряды полиции, у наружных дверей — полицейские чиновники, получившие инструкции о тщательной проверке билетов. Еще утром все подвальные помещения и ходы были тщательно осмотрены. В зале, блиставшей огнями и роскошью убранства, собиралось избранное общество. Я лично руководил рассылкой приглашений и распределением мест в театр.

Фамилии всех сидевших в театре мне были лично известны, и только 36 мест партера, начиная с 12 ряда, были отправлены в распоряжение заведовавшего охраной Генерала Курлова, для чинов охраны, по его письменному требованию. Кому будут даны эти билеты, я не знал, но мне была известна цель, для которой они были высланы и

этого было достаточно. В кармане сюртука у меня находился план театра и при нем список, на котором было указано, кому какое место было предоставлено.

В 9 часов прибыл Государь с Дочерьми. К своему креслу, к первому от левого прохода, с правой стороны, прошел Столыпин и сел в первом ряду. Рядом с ним налево, по другую сторону прохода, сел Генерал-Губернатор Трепов, направо — Министр Двора граф Фредерикс. Государь вышел из аванложи. Взвился занавес и раздались звуки народного гимна. Играл оркестр, пел хор и вся публика.

Патриотический подъем охватил и увлек всех. Шла "Сказка о Царе Салтане" в новой, чудесной постановке. Я весь отдался чувству высокого эстетического наслаждения. Мне казалось, что здесь можно быть спокойным: ведь все сидящие в театре известны, а снаружи он хорошо охраняется и ворваться с улицы никто не может. Кончилось первое действие. Я встал около своего кресла, во втором ряду, за креслом Начальника Края. К Председателю Совета Министров подошел ген. Курлов.

Я слышал, как Министр спрашивал его, задержана ли террористка и настаивал на скорейшей ликвидации этого дела. Началось второе действие, прослушанное с тем же напряженным вниманием. При самом начале второго акта, когда Государь с Семейю отошел в глубь аванложи, а П. А. Столыпин встал и, обернувшись спиной к сцене, разговаривал с графом Фредериксом и графом Иосифом Потоцким, я на минуту вышел к подъезду, чтобы сделать какое-то распоряжение.

Возвращаясь, я встретил Министра Финансов Коковцева, пожимавшего руку встречным и говорившего: "я уезжаю сейчас в Петербург и тороплюсь на поезд". Простившись с Министром, я медленно пошел по левому проходу к своему креслу, смотря на стоявшую передо мной фигуру П. А. Столыпина. Я был на линии 6 или 7 ряда, когда меня опередил высокий человек в штатском фраке. На линии второго ряда он внезапно остановился. В то же время в его протянутой руке блеснул револьвер, и я услышал два коротких сухих, выстрела, последовавших один за другим.

В театре громко говорили и выстрел слышали немногие, но когда в зале раздались крики, все взоры устремились на П. А. Столыпина, и на несколько секунд все замолкло. П. А. как будто не сразу понял, что случилось. Он наклонил голову и посмотрел на свой белый сюртук, который с правой стороны, под грудной клеткой, уже заливался кровью. Медленными и уверенными движениями он положил на барьер фуражку и перчатки, расстегнул сюртук и, увидя жилет, густо пропитанный кровью, махнул рукой, как будто желая сказать: "все кончено". Затем он грузно опустился в кресло и ясно и отчетливо, голосом слышным всем, кто находился недалеко от него, произнес: "счастлив умереть за Царя". Увидя Государя, вышедшего в ложу и ставшего впереди, он поднял руки и стал делать знаки, чтобы Государь отошел. Но Государь не двигался и продолжал на том же месте стоять, и Петр Аркадьевич, на виду у всех, благословил его широким крестом.

Преступник, сделав выстрел, бросился назад, руками расчищая себе путь, но при выходе из партера, ему загородили проход. Сбежалась не только молодежь, но и старики, и стали бить его шашками, шпагами и кулаками. Из ложи бельэтажа выскочил кто то и упал около убийцы. Полковник Спиридович, вышедший во время антракта по службе на улицу и прибежавший в театр, предотвратил едва не происшедший

самосуд: он вынул шашку и, объявив, что преступник арестован, заставил всех отойти.

Я все-таки пошел за убийцей в помещение, куда его повели. Он был в изодранном фраке, с оторванным воротничком на крахмальной рубашке, лицо в багрово-синих подтеках, изо рта шла кровь. — Каким образом вы прошли в театр? спросил я его. В ответ он вынул из жилетного кармана билет. То было одно из кресел в 18 ряду. Я взял план театра и список и против номера кресла нашел запись: "отправлено в распоряжение генерала Курлова для чинов охраны". В это время вошел Кулябко, прибежавший с улицы, где он все старался задержать террористку, по приметам, сообщенным его осведомителем. Кулябко сразу осунулся, лицо его стало желтым. Хриплым от волнения голосом, с ненавистью глядя на преступника, он произнес:

"это Багров, это он, мерзавец, нас морочил". Всмотревшись в лицо убийцы, я признал в нем человека, который днем стоял у фотографа, и понял роль, сыгранную этим предателем.

Я вышел искать Начальника Края. Генерал Трепов распоряжался у Царской ложи, подготавливая отъезд Государя. Он опасался, что выстрел в театре был первым актом боле широкого плана и что засады могут быть на улице. Всю площадь перед театром сильными полицейскими нарядами очистили от публики; у подъезда Царской ложи было несколько закрытых автомобилей, в один из них поместился Государь с Дочерьми, в других разместилась свита. Начальник Края ехал впереди и, минуя улицы, на которых собрался народ, чтобы видеть проезд Царя, привез Его во дворец.

Проводив Государя до автомобиля, я вернулся в театр. П. А. Столыпина уже вынесли, зал наполовину опустел, но оркестр все продолжал играть гимн. Публика пела "Боже, Царя храни" и "Спаси, Господи, люди Твоя", но в охватившем всех энтузиазме чувствовался надрыв, слышался вопль отчаянья, как будто люди сознавали, что пуля, пробившая печень Столыпина, ударила в сердце России. Я распорядился понемногу тушить огни и прекратить музыку.

Когда публика разъехалась, я вошел в комнату, где на диване, с перевязанной раной и в чистой рубашке, с закрытыми глазами, лежал П. А. Столыпин. От окружавших его профессоров, известных киевских врачей, и узнал, что они распорядились отвезти раненого в лечебницу доктора Маковского, что на Мал. Владимирской, и что у подъезда театра уже стоит карета скорой помощи. Я обратился к одному из врачей и спросил его, есть ли надежда на спасение. "Рана очень опасная, сказал мне доктор, но смертельна она или нет, сейчас сказать нельзя. Все зависит от того, в какой степени повреждена печень". Когда П. Д., смертельно бледного на носилках выносили в карету, он открыл глаза и скорбным страдающим взглядом смотрел на окружающих.

В то время, когда В. Н. Коковцев находился в приемной, в лечебницу приезжал генерал Курлов. Он стал докладывать В. Н. по поводу случившегося, но В. Н. выслушал его сухо и сделал суровую реплику. Курлов отошел и, заметив меня, сказал: " всю жизнь я был предан П. А., и вот результат".

Он протянул мне руку, и на его глазах заблестели слезы. Всю ночь, до самого рассвета, провел В. Н. Коковцев у изголовья кровати раненого, в беседе с ним. Видя в В. Н. своего естественного заместителя, изнемогавший от раны, Петр Аркадьевич последние силы свои отдал на посвящение его в текущие и сложные вопросы государственной жизни

беззаветно любимой им Матери-России.

На следующий день Государь ездил в Овруч. По выходе из дворца Его Величество объявил, что желает навестить Столыпина. Царский автомобиль направился на Мал. Владимирскую. При входе в лечебницу Государь спросил встретивших Его врачей, может ли Он видеть Петра Аркадьевича. На это старший врач ответил, что свидание с Его Величеством взволнует больного и может ухудшить его состояние, о чем он откровенно докладывает по долгу врача и верноподданного. Узнав, что в лечебнице находится, только что прибывшая из Ковенского имения, супруга П. А. Столыпина — Ольга Борисовна, Государь пожелал ее видеть и не надолго прошел к ней в приемную.

В тот же день, по инициативе группы членов Государственной Думы из партии националистов и земских гласных Края, в 2 часа дня, во Владимирском Соборе, Высокопреосвященнейшим Флавианом Митрополитом Киевским и Галицким, соборно с четырьмя Епископами, было отслужено торжественное молебствие о выздоровлении Столыпина. Собор был переполнен, Собравшиеся истово молились и многие плакали.

Два последующих дня прошли в тревоге, врачи еще не теряли надежды, но по вопросу о возможности операции и извлечения пули, консилиум, с участием прибывшего из Петербурга профессора Цейдлера, вынес отрицательное решение.

4-го сентября вечером, здоровье П. А. сразу ухудшилось, силы стали падать, сердце слабо и около 10 ч. вечера 5-го сентября, он тихо скончался.

Весть о кончине Столыпина быстро распространилась по городу и все подернулось скорбью и печалью. Государь 5-го сентября находился в Чернигове. 6-го сентября утром Он возвратился в Киев на пароход по Днепру и с пристани, не заезжая во дворец, проехал поклониться праху Своего верного слуги, жизнь положившего за Россию. В присутствии Государя, вдовы и ближайших лиц Свиты, у тела Столыпина была отслужена панихида.

"Я хочу быть похороненным там, где найду свою смерть", говорил П. А., предчувствуя свой близкий конец от руки революционера. Указание Столыпина было свято исполнено его близкими и местом вечного его упокоения была избрана Киево-Печерская Лавра.

8-го сентября вечером печальная процессия двинулась из лечебницы в Печерске, сопровождаемая многочисленной толпой русских людей. Все было величественно и вместе с тем просто и это так гармонировало со светлым обликом того, кто безвременно отошел в вечность. 9-го сентября утром, в Трапезной церкви, заставленной венками с национальными лентами, собралось Правительство, представители армии и флота и всех гражданских ведомств, многие члены Государственного Совета, центр и почти все правое крыло Государственной Думы, а также более сотни крестьян, прибывших из ближайших деревень отдать последний долг почившему.

Киевский Генерал-Губернатор Генерал-Адютант Трепов, по повелению уехавшего 7 сентября Государя, представлял Его Особу. Старшие чины Министерства Внутренних Дел и чины Государственной Канцелярии несли дежурство у гроба. После отпевания гроб вынесли и опустили возле церкви, рядом с исторической могилой другого русского

патриота Кочубея.

Сейчас же после смерти Столыпина, в той же группе земских гласных и членов Государственной Думы из партии националистов, возникла мысль о постановке ему памятника в Киеве. Было использовано пребывание в Киеве Государя Императора и заместителя Председателя Совета Министров Коковцева и на Всероссийский сбор пожертвований уже 7 сентября утром последовало Высочайшее соизволение.

Пожертвования потекли столь обильно, что в три дня в одном Киеве была собрана сумма, которая могла покрыть расходы на памятник, — так обаятельна была память Столыпина. Местом постановки памятника была избрана площадь возле Городской Думы, на Крещатике, а исполнение его поручено итальянскому скульптору Ксименесу, бывшему в Киеве. В 1912 году, ровно через год после смерти П. А., памятник был открыт в торжественной обстановке, среди съехавшихся со всех концов России, его почитателей. Столыпин был изображен как бы говорящим с Думской кафедры, на камне высечены сказанные им слова, ставшие пророческими:

"Вам нужны великие потрясения — нам нужна Великая Россия".

Большевики, полонившие нашу Родину, конечно, не могли перенести вида памятника и его уничтожили, но из русской души они не вытеснят образ Столыпина. Пройдет лихолетье и в историю возрожденного Отечества имя Столыпина войдет еще более прославленным. В его заветах будет строиться Россия.

18-го Января 1927 г.

Париж.

А. Гирс.